

Татяна ТРОЦЕНКО
Мамба и Ёнка

Татьяна Троценко

Мамба и Ёнка

«Издательские решения»

Троценко Т.

Мамба и Ёнка / Т. Троценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968765-4

«По вечернему городу мимо летних кафе, над которыми висел плотный запах пива, шла, ноздри на ветер, лохматая Мамба в фиолетовом до пят балахоне».

ISBN 978-5-44-968765-4

© Троценко Т.
© Издательские решения

Содержание

ПОПЫТКА ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ	6
Мамба и Ёнка	8
Низовский, или Попытка биографии	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мамба и Ёнка

Татьяна Троценко

Художник Полина Романова
Корректор Ирина Морозкова

© Татьяна Троценко, 2019

ISBN 978-5-4496-8765-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОПЫТКА ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Ну вот и не поверь в счастливое число тринадцать. А знаете почему? Да потому, что в наших краях проклюнулось совершенно новое имя в дальневосточной литературе – Татьяна Троценко. Это я говорю с полным основанием, потому как легендарный рассказ «Мамба и Ёнка», преодолев все временные запреты об очередности, ворвался прямо «с колес» на страницы четвертого номера российского литературного журнала «Дальний Восток» в 2013 году.

Вы скажете, ну и что с того? Мы тоже не сразу поняли, с каким явлением мы имеем дело: мало ли авторов пишут в журнал. Потом обратили внимание на то, что сюжеты рукописей Татьяны Троценко своеобразны и, что главное, непредсказуемы, в них особая неповторимая интонация. Это сегодня уже можно говорить о её литературной индивидуальности, непохожести. Если вкратце – её творческий почерк в жанровой непредсказуемости, помноженной на позитивную, слегка ироничную интонацию. Более того, её стиль – постоянный поиск.

Поначалу мы решили, что Татьяна Троценко так и ограничится веселыми рассказами о женской доле вроде упомянутой «Мамбы и Ёнки» (так звали маму и дочку) и еще одним – «Дуня, или Открытая дверь». А не тут-то было, вдруг появилась история в жанре мистического реализма под названием «Недалеко от старого парка» о непростых взаимоотношениях двух... манекенов на витрине. Кстати, за два этих рассказа Татьяна Троценко в 2016 году стала лауреатом литературного творческого конкурса имени Петра Комарова.

Потом мы получили маленькую повесть со странным названием «Низовский, или Попытка биографии». Странно, подумали мы, чего это автора потянуло на рассказ о знаменитом киноактере. Читали мы, читали и вдруг поняли: так это же очень хлесткая сатира на модные гляцевые журналы.

А вот еще один рассказ «Семерка» начинается совсем обычно: «Мне очень жаль, – сказал он мне. И сердце сделало кувырок. – Нам придется расстаться».

Да нет, вы не о том подумали, сотруднице пришлось писать заявление на увольнение. Очень знакомая ситуация. А вот чем история поиска работы закончилась – предугадать нам было уже несложно, подсказали предыдущие произведения: все будет прекрасно и не без чудес.

Ну всё, решили мы, иссякла жанровая палитра нашего непредсказуемого автора. И опять ошиблись. И вот тому подтверждение. Ждет своего часа «Оркестр» – короткий бесхитростный то ли киносценарий, то ли одноактная пьеса о музыкальном коллективе. К этому материалу – короткая приписка: «Почитайте, пожалуйста, вот такой рассказ получился».

Вот тут нас и осенило: для нашего технически образованного автора, профессионально занимающегося очень земными проблемами, сочинительство – это возможность, говоря высоким стилем, воспарить над житейской суетой. А вот совсем безоблачно парить, как это ни странно, не позволяет опыт, который, как сказал поэт, «сын ошибок трудных». Вот и получается соединение возвышенного и земного.

У читателей может возникнуть обманчивое ощущение, что тексты Татьяны Троценко пишет очень легко. Они темповые, музыкальные, часто парадоксальные и при этом с наличием выверенных и точных деталей. Словно ей эти тексты кто-то нашептывает, они льются как бы сами по себе, без напряжений и сомнений. И это прозаику от читателя изысканный комплимент.

Есть у нашего автора еще одна счастливая способность – не только чувствовать слово, но и бережно с ним обращаться.

Нам, сотрудникам журнала, хочется верить в то, что у первой книги талантливого дальневосточного автора Татьяны Троценко будет счастливая судьба. Поверьте, вам пред-

стоит знакомство с хорошей современной прозой, которая не только развлечет вас, но и даст заряд бодрости и оптимизма.

***Тамара Савельева,
редактор Российского литературного журнала
«Дальний Восток»***

Мамба и Ёнка

По вечернему городу мимо летних кафе, над которыми висел плотный запах пива, шла, ноздри на ветер, лохматая Мамба в фиолетовом до пят балахоне. Фигурой Мамба напоминала греческую букву лямбду (λ), прической имела конский хвост дикого волоса, полы ее одеяния поднимали смерчки пыли с неметеного тротуара. Шла она с работы домой в пятницу. Впереди ее ждала цыганская свобода до понедельника... и маленькая Ёнка, вон в том доме башней. Платформы ее копыт-босоножек топали, и – раз, раз-раз, дваа, почти готовые сорваться вприпрыжку. Сумка-торба хлопала по боку.

Лифт не работал, и, взлетая на двенадцатый этаж по пустой лестнице, Мамба дала себе волю скакать через ступеньку, и даже прыгать двумя ногами, придерживаясь за перила.

– Ёнка! Я пришла! – распахнула дверь до упора, хлястнув ее о стену.

– Пришла-пришла! Мама! – зависла на ней Ёнка, попискивая и повизгивая, потащила у Мамбы с плеча сумку. – Что-нибудь вкусенького купила?

– Не-а, – покрутила головой Мамба. – Мы сейчас с тобой по дороге все возьмем.

– На дачу?! – Ёнка широко, как можно широко раскрыла яркие глаза, засветив в них по огоньку.

– Ага, – Мамба потянула через голову бесконечный балахон.

Выпутавшись и повесив его на плечики – мести подолом пол, раз-два переделалась – и стала Мамбой полуспортивной, полудеревенской, в светло-серых брюках, футболке без рисунка с очень коротким рукавом и шляпе солодкой.

– Марш-марш собираться, – пропела она, перешагнув через Ёнкины сандалеты на кухню. И, слепляя себе бутерброд из хлеба и колбасы, слышала, как Ёнка носится по комнате, что-то мягко роняя и на что-то жестко натываясь. Перешагнув в обратную сторону через сандалеты, Мамба остановилась в дверях комнаты.

– Красавица, – выдохнула, проглотив кусок, не жуя. – Иди, заколки поправлю.

Остаток бутерброда переправила в Ёнкин требовательно раскрытый рот.

Ёнка замерла, подставив тугой пробор, из-под Мамбиных рук посматривала в зеркало. Красавица, ведь так и есть. Очки сверкали кружочками, хвостики торчали, розовая, чуть коротковатая юбочка топорщилась, гольфы немного сползли, подтянула.

Мамба повесила торбу обратно на плечо, и, через него обернувшись, сказала:

– До свидания, наш домик, не скучай.

– Не скучай, – подпела Ёнка, помахивая в воздухе пятерней и пригарцовывая на месте.

– Спасибо, не буду, – тихо пробасил запертый дом.

По лестнице вниз Ёнка скакала через ступеньку, и даже через две, двумя ногами вместе, придерживаясь за перила. Мамба спускалась солидно, не давая усмешке вырваться из плотно прижатых губ, прикрывая искорки в глазах черными дикими ресницами.

В набитом трамвае, жмурясь на солнце, дотрюхали до конечной и, заняв очередь в ворчливой бесконечной очереди на дачный автобус, побежали в соседний магазин. Там взяли хлеб и батон (притащила Ёнка), несколько упругих сарделек, бульонный желтый кубик, горсть конфет (взяла сладкоежка Мамба), вонючую спираль от комаров (нашла деловитая Ёнка) и, пожалуйста-пжалуйста, вот этот журнал.

– Ну давай, – махнула широко Мамба. – Возьмем.

Очередь на автобус заняли заново, так как их тут не стояло. И Ёнка, одной рукой держась за Мамбу, другой все открывала, прижимая к боку свой журналчик с феями и принцессами, и немного виновато в него поглядывала.

Мамба, возвышаясь головой над искрящейся конфликтами очередью, тянула трепеща ноздрями ветерок. Уже не городской здесь. Поглядывала на желтый автобус, замерший чуть в отдалении, и крепко сжимала маленькую ладошку в руке.

Автобус подвалил, очередь поднажала, и Мамбу, несмотря на внушительную комплекцию, потащило водоворотом. Ёнку вообще не было видно, но Мамба изо всех сил держала ее, и удержала. В автобус их внесло на совсем неплохом месте: на заднюю площадку, подальше от входящих и выходящих, и даже очень удачно прижало к окошку. Так что они провели неплохие полчаса, разглядывая и комментируя домики вдоль дороги, собранные на манер скворечников неумелыми учениками на уроке труда.

***

Подходя к своему участку, Мамба и Ёнка уперлись в застывший посреди узкого проезда расхристанный «Жигуль» соседа Василь Василича. Соседа все звали Василичем, а Ёнка звала Силичем, уверяя, что звучит одинаково. У «Жигуля» были распахнуты все дверцы, и капот, и багажник. Выглядел он жалко. И обойти это бедствие возможности не было. Раскрытые дверцы упирались в дачные оградки. Сам Силич был тут же, он поочередно нырял в каждую из открытых частей своего автомобиля, оставляя на виду только неизменные шлепки из обрезанных сандалет. Выныривал он каждый раз все более растерянный и красный.

– Василич, что у вас случилось? – прокричала Мамба из-за багажника.

Силич вынырнул:

– А чёть его знает! – он дернул плечами, перекосив портрет томной девицы на длинной, почти до колен белой футболке. – Заглох, и все. Зарраза! Десять метров не доехал. – Силич махнул рукой в сторону высоченных добротных ворот с козырьком. Ворота тоже стояли нараспашку:

– С утра с ним бьюсь, матть... – прошипел он, понижая голос, памятуя о том, что беседует с дамами.

Мамба спустила с плеча торбу:

– Давайте посмотрю.

– Ты? – недоверчиво и безнадежно протянул Силич, прикрывая все же заднюю дверцу и пропуская Мамбу, за ней пробралась Ёнка. – И Серега, и Дмитрич уже смотрели, бесполезно.

Мамба загородила могучей фигурой капот, склонилась над переплетением трубок, что-то трогала там, напевая. Обернулась. Поискала глазами, увидела разложенные на тряпочке блестящие инструменты, пошевелила над ними пальцами, выискивая, взяла одну железку и удвинулась обратно. Слышались только скрип и постукивания, Силич силился заглянуть через плечо или сбоку, но просвета не было. Ёнка, сделав шаг к забору, объела просочившуюся сквозь штaketник какую-то хитрую сортовую соседскую малину. Потом тихонько погладила машину по крылу. Силич задумчиво смотрел на нее. Мамба вдруг выкинула руку назад, щелкнула пальцами, глухо из-за капота сказала:

– Газани!

Силич послушно, оскользаясь шлепками по траве, рванул в кабину, от спешки неловко дернул ключ, «Жигуль» взвыл и захлебнулся. Силич крутнул спокойней, «Жигуль» после короткого тры-ты-ты-ты чихнул серым дымком и заработал ровно и надежно. Мамба распрямилась улыбаясь, Ёнка засмеялась перемазанным ртом.

– Ах, соседюшка, ах, умница! Дай я тебя расцелую! – Силич чертом вылетел из машины, растопырив руки. Мамба, захохотав, увернулась. – Откуда такие умения?

– Да так, – коротко сказала Мамба, вытирая руки тряпицей.

– Ааа, – уважительно кивнул Силич. – А что было-то?

– Неисправность, – уклончиво отвечала Мамба. – Ерунда, больше не будет.

Мамба с Ёнкой подхватили сумку-торбу за две ручки и завернули в свою расхлябанную подвязанную веревочкой калитку. Силич загнал машину на двор. «Жигуль» довольно урчал, Силич захлопывал все дверцы и тоже довольно урчал через штaketник:

– Эх, девчата, ну выручили! Ну спасибо! Что хотите, берите, не жалко. Думал – помру уже возле этого «Жигуля». Мы главное с Кирилычем на рыбалку в ночь собрались. А тут такое. Да-а, чудеса! Ну соседushка! Вы тут заходите, берите, что хотите. Вот, яблочки, малинку хоть всю собирайте.

– Хорошо, хорошо, – отвечала Мамба уже не слушая. Она нашарила немного заржавевший ключ на притолоке и отпирала домик-завалюшку. Ёнка стояла рядом на одной ноге, поджав другую цаплей, о чем-то размышляя:

– Дядя! Силич! А на машине тоже можно покататься?

– Можно-можно, детка, и на машинке, и велосипед внуков вот у меня стоит, катайся, – с разгону щедрился Силич, открывая ворота автомобильного сарая.

– Ёнка, ну хватит уже, – глуховато позвала Мамба из домика. Домик скрипел под ее тяжелыми шагами. – Где наши банки?

– Банки? Ща, мам, они ж под столом стоят! За водой? Ура!

Ёнка помахала «Жигулю» последний раз и побежала за Мамбой. «Жигуль», заползая задом в сарай, все провожал ее взглядом круглых удивленных глаз и помахивал усиком антенны.

***

За водой на колодец любили ходить и Мамба, и Ёнка. Мамба несла пятилитровую банку, Ёнка полторалитровую бутылку, которую решительно отказывалась положить в пакет и потом всю дорогу то перекладывала ее из руки в руку, то прижимала к себе, но тут же с писком отстранялась. Вода была лед, с глубины. За водой шли по краю дачного поселка по тропинке. С одной стороны сначала вплотную шел лесок, в котором вечно кто-то шуршал страшно ватно в сереющих, подкрадывающихся еще, сумерках. Потом вдруг возникал заросший глухой прудик-котлован с замшелыми мостками, на которые Мамба категорически не пускала Ёнку: упадешь! Но один раз все же пустила. Крепко держа за руку, стояла на берегу, и Ёнка двинулась по деревяшкам в путешествие на расстояние вытянутой руки. И шурилась, и вытягивала шею. А там в воде видела такое, что Мамбе не расскажет, все равно не поверит. Мамба смеясь пожала плечами:

– Ты видела...

– Откуда ты знаешь? – Ёнка остановилась.

– В очках твоих видно, – улыбнулась Мамба, пощекотав Ёнке травинкой нос, и зашагала дальше.

Ёнка отстала, сняла очки, недоверчиво заглянула. Потерла пальцем свое еле различимое круглоглазое белобрысое отражение, закосилась опасливо на прудик и бегом пустилась догонять Мамбу.

За прудом стояла на развилке просто огромная липа. Она росла наклонно, очень наклонно, могучая и древняя. Ее кора перевивалась буграми мышц, а крона заслоняла листвою все небо над тропинкой и дачу, углом прилепившуюся к ней. Летом в медосбор липа вся гудела пчелами, роняла цвет, а пахла так сладко и душно, что Мамба с Ёнкой застывали на месте и пропитывались запахом насквозь. И потом Ёнка изредка нюхала свою ладошку и жмурилась:

– Ммм, пахнет. Мама, понюхай, – совала ее Мамбе под нос.

И Мамба чмокала эту вечно чумазую лапку:

– Очень вкусно!

На эту липу можно было легко забраться, только немного подрасти. И Ёнка сегодня с удовольствием заметила, что до развилки долезть уже сможет. Но не сегодня, конечно, завтра с утра. И оттуда не спускаться весь день. Да что там, можно так и жить на дереве, в развилке легко поместился бы их домик.

А Мамба опять обогнала Ёнку и, ожидая ее, постукивала себя по ноге пустой банкой. За спиной у нее кривился обветшалый забор, сквозь него пробивалась полын. Этот участок расползся в стороне от всех на косогоре и порос невысокими сорными корявыми деревьями. Далеко за забором среди деревьев покосился одноглазый домик. Тут всегда была тишь, даже птиц не слышно.

– Ёнка, а помнишь, мы с тобой думали, что тут баба-яга живет?

Ёнка, споткнувшись, сбила шаг:

– Аха, тут не видно никого никогда днем и скрипит что-то, а по ночам свет горит.

– А ты-то откуда знаешь, маленькая болтуша! – поддразнила Мамба Ёнку, сверкая хитрым глазом..

– Ты что?! Мне Алинкина знакомая девчонка рассказывала! – негодуя на неверие, зазвенел голос у Ёнки. – То есть она – Линке, а Линка – мне. Да ты ж сама говорила...

– Тихо-тихо, смотри, сказочница моя, – Мамба придержала ее за плечо, отодвинулась от забора, и Ёнка увидела сквозь редкие деревья на крыльце домишки девушку. Обычную симпатичную девушку босиком и в светлом платье. Та потягивала какой-то провод, спускавшийся с крыши, телевизионный, наверное. Под ногами у нее путался рыжий щенок.

– Уууу, – разочарованно вытянула губы Ёнка. Останавливаться и разглядывать было неприлично, но так хотелось, но и боязно все же. И Ёнка закачалась на месте, не в силах сделать шаг. Мамба расхохоталась и слегка подтолкнула Ёнку вперед по тропинке:

– Идем-идем, не тормози. Мы так до ночи не доберемся.

Девушка и щенок обернулись им вслед. Девушка, скорчив смешливую гримаску, подмигнула щенку, мол, видал. Опять, уже сердитее, подергала провод и вдруг, невесомо зависнув в воздухе, взлетела на крышу, там что-то отцепила, в доме загрохотал телевизор. Щенок повернулся и зашел в дом. И оттуда кто-то басом сказал:

– Порядок!

А Мамба и Ёнка уже подходили к колодцу. Остался позади огород кума Тыквы, до краев заросший перекрученными плетями с пузатыми фонарями тыкв, и участок Старого Рыбака с цветниками из старых деревянных лодок, и дача Безумного Скворца, где посреди голого участка торчал высоченный шест со скворечником наверху, так загнутый от непосильной тяжести, что леток смотрел вниз.

Вот и колодец на углу, настоящий сруб с дышащей стылой влагой глубиной, с изогнутой отполированной ладонями ручкой, крутила которую только Ёнка. Мамба присматривала начеку, чтоб Ёнка не забылась, не отпустила мгновенно раскручивающуюся рукоять. Возле колодца всегда стояли один-два человека, а то и машина, загруженная пустыми бачками. Пережидая, Мамба и Ёнка полюбовались на скачущих от колодца вдоль улицы изумрудных глянцевых лягушат.

– А что будет, если все-таки поцеловать, – задумчиво вопрошала Ёнка, наматывая на палец тугий короткий хвостик.

– А попробуй, вдруг да принц, – кивнула Мамба. – Я вас быстренько поженю и буду к вам в замок на каникулы приезжать. На Новый год. Когда в замке будут завывать сквозняки и призраки.

Но Ёнку такая перспектива немного напугала. Она прижалась к Мамбиному теплому боку.

– Не, мам, давай попозже. Я с тобой хочу.

– Хорошо, – Мамба обвила Ёнку рукой в ярких кольцах и дунула ей в макушку.

Высокий парень в расстегнутой рубашке, посмотрев на великолепную Мамбу, обходительно уступил им очередь и помог перелить воду из бренчащего цепью ведра в их посудины. Он еще посмотрел им вдогонку, может, он и был принц, поцелованный да невыбранный, но Мамба с Ёнкой спешили готовить ужин. Солнце, скатываясь, уже щекотало спину сопки. Все предметы начали приобретать чуть зыбковатые очертания, звуки чуть ярче разносились вокруг.

***

Назад вернулись быстро. С полными банками шли напрямую по поселку, не сворачивая на окраину. По дороге навстречу им прошлепал сухими пятками Силич с удочками.

– Ни пуха, ни пера!

Силич приветственно качнул удилищами.

Пять минут, и Ёнка, вырвавшись вперед, худеньким тельцем бахнула задрезавшую калитку:

– Я первая финишировала! Как всегда! Я-я-я!!! Я тебя обогнала!

– Н-да, приходится признать, – горестно тряхнула черным хвостом Мамба. – Тебе как победителю достается приз. Вот это вот пустое, местами голубое ведерко. Правда... – Мамба заглянула внутрь, – ...немножко с дырочкой. Но ничего, под картошку сойдет.

– Ага, а ты костер разводи! – и Ёнка ураганчиком залетела в сарай, подхватила еще корзинку и маленькую тяпку-царапку и рванула в огород собирать дикоросы, как у них это называлось. Помидоры, огурцы и прочая мелочь росла у них как-то сама по себе, привольно на свободе среди травы. Мамба и Ёнка ходили в свой огород как по грибы и каждый раз, раздвигая траву, удивлялись: надо ж что выросло.

Мамба, захватив из дома спички и плоскую закопченную кастрюльку, занялась очагом. За домом лежала упавшая много лет назад матерая береза. Рядом на вытопанной полянке слеплена печка из положенных коридорчиком восьмью кирпичей, накрытых сверху металлической решеткой. Под хорошее настроение Мамба с Ёнкой отпиливали от дерева толстые кругляши. Мамба колола кругляши на дрова. Ёнка складывала их стопками и накрывала поднутжась листом рубероида. Дрова были что надо, легкие, душистые. Один кругляш оставили под стол.

Мамба вооружилась легким туристским топориком и принялась откалывать от полешков лучинки. Настроив достаточно, распрямилась:

– Ёнка! Быстрей тащи картошку, остальное – потом!

Отщипнула с березового бока прозрачные завитушки коры, сложила все по порядку в очажок, придавив увесистыми полешками. Полешки не вмещались в печку, торчали с двух сторон кирпичного коридора.

Ёнка прилетела запыхавшись:

– Вот-вот! Картошечка! – вывалила из ведерка на траву клубни. – Дай я попробую зажечь. Вот увидишь, с одной спички щас!

– Ну-ка, ну-ка посмотрим! – заинтересовалась Мамба, протягивая Ёнке помятый коробок.

Исчиркав полкоробка, Ёнка заметно сникла, зачем-то потыкала пальцем в дрова и, в конце концов, неохотно признала:

– Не получится, ты неправильно дрова сложила.

– Поняла, сейчас исправлюсь, – согласилась Мамба, приняла от Ёнки нагретый в руках коробок. – Беги за помидорами, укропа, петрушки не забудь.

И уже вслед прокричала:

– Луку с верхней грядки нащипай!

– Ага-а! – донеслось издали.

Мамба, усмехнувшись, чиркнула спичкой, поднесла к тонкой кудряшке коры, огонек мгновенно закрутил ее дочерна и перескочил на сухой кончик лучины. Через полминуты печурка гудела до края ровным огнем. Мамба чистила гладкие клубни картошки, быстро, не глядя на нож, любуясь елочкой-красавицей, пушистой насадкой растопырившейся на краю полянки. Под этой елочкой Ёнка, вся уколочась, иногда находила подарки. Ёнкиного Деда Мороза не смущало царившее вокруг лето. А один раз там видели приبلудного ежа. Мамба сложила в кастрюлю располовиненные картофелины, нарезала крупно сардельки, плюхнула сверху воды из банки. Приняла у подоспевшей Ёнки помидоры, смотри-ка, какой здоровенный вырос, ополоснула их тут же на траву. Порезала в кастрюлю и помидоры, порвала сильными пальцами зелень, посыпала туда же. И поставила кастрюлю на решетку. Закипело очень быстро, в забулькавший густой супец Мамба подбросила золотистый кубик и ушла за ложками. Ёнка шевелила палкой костер, вздымая лохматые клубы пепла.

Суп ели только снятый с огня, прямо из кастрюли. Обжигаться дачным супом входило в ритуал. Вылавливали ложками варево с кусочками сарделек с завернувшейся кожицей, разваренной свежей картошкой, тянули обожженными губами, Ёнка еще хлопала и причмокивала. Также нужно было хлеб и батон ломать руками, так вкусней.

– Мама, я сейчас еще хлеб пожарю! – Ёнка оставила Мамбу дочерпывать со дна вкусную гущу и побежала нанизывать ломти на шампур и совать в огонь, где они сразу обугливались с одного бока.

– Ммм, пальчики оближешь! Попробуй!

Мамба вежливо приняла обгоревший кусок и пошла жарить сама.

***

Темнело. Тихонько напомнил о себе влажный ветерок. Стало холодней. Слабо светились угли костра. Мамба сполоснула котелок и повесила на ветку сушиться.

– Ёнка, спать будем в домике или на чердаке?

Ёнка приткнулась на чурбачке, вытянув ноги, и что-то еще дожевывала:

– Не знаю, мам. Мы когда спим в доме, мне все время кажется, что кто-то ходит на чердаке, а когда спим на чердаке – что кто-то в домике ходит.

– Ерунда какая, – неодобрительно сказала Мамба, которой тоже все время так казалось.

Далеко за соседскими дачами пело радио, неразборчиво слышались голоса, смех, приносило иногда дымок шашлыка.

Ёнка наконец дожевала:

– Ма-ама, а пошли к Силичу ходим, яблочка хочу, – особым просительным голосом начала Ёнка, вытягивая губы трубочкой. – Ну он же разреши-ил. У него вку-усные.

Мамба оглянулась на соседский забор. Серела за ним громадина дома, не освещенная ни одним огнем.

– Ну дава-ай, ма-ам, пока не темно, а то не видно будет совсем.

– Ну давай, – решила Мамба. – Только быстро, и сразу спать.

– Ага-ага, – заплясала Ёнка на одной ножке.

– Подожди меня, кофты возьму, а то холодает.

Накинув петлю на свою калитку, сделали два шага по улице и очутились перед высокими воротами Силича, в углу была прорезана калиточка. Маленький аккуратный ключ лежал на столбике ворот. Все у них в поселке закрывалось, как говорится, от честных людей. Воровать никто не воровал, соседи подобались хорошие, да и казачья охрана работала надежно.

Калитка мягко качнулась, и Мамба с Ёнкой, перешагнув балку ворот, ступили на мощный плиткой широкий двор. Со двора был заход в гараж и на стекленную веранду дома. В даль-

нем конце двора калитка в огород, в углу беседка, наглухо зашита виноградом. Возле такая же как у них, сидела елочка-малютка. Только росла она на специально отведенной клумбе, окруженная свитой неброских колюченьких цветов, подчеркивающих ее юную красу.

– Ух ты, неплохо, – одобрила Ёнка. Она сразу же полезла на ступени веранды. – Мама, представь: я здесь хозяйка, это мой домик, ту-ру-ру!

– Ёнка, марш за яблоком, а то сейчас уйдем.

– Да, иду-иду, ты только постой, посмотри на меня, а то я боюсь, темно.

– Смотрю, беги, – Мамба встала возле дверцы в огород и внимательно смотрела, как Ёнка припустила по деревянным прямым дорожкам к ровным рядам деревьев в конце участка.

Ёнка притащила два яблока в руке, еще у нее топырились оба кармана.

– На, мам, кусай.

– Пошли, Ёнка.

– Ма-ам, ну давай тут посидим на крыле-ечке. А вдруг я не нае-емя.

– Да-а, такой риск есть, – Мамба опустилась на нижнюю ступеньку, Ёнка вскарабкалась на верхнюю.

Они затихли, нахохлившись, в сумраке двора, смотрели в густую тень сарая, хрупали яблоками. Яблоки у Силича действительно были хороши, почти прозрачные, с тонкой кожей, светлыми семечками, сочно-брызгающиеся.

– Еще сбегая!

– Ёнка, куда ж в тебя лезет? О, слушай, – подхватила Мамба. – У нас с тобой на завтрак хлеба нет, все пережарили. И в магазин уже не успеем добежать. – Поднесла она руку с часами близко к глазам.

– Мам, – подскочила Ёнка. – А давай на машине Силича! Он же разрешил! Он сам сказал! Он...

– Да ну, ты что выдумываешь! – отмахнулась хвостом Мамба, чувствуя, как пропадает хорошее настроение. Без хлеба на завтрак она оч-чень не любила.

– Ну ты ж умеешь! Ведь умеешь же?! – Ёнка заглядывала Мамбе в глаза и тянула ее за руку. Мамба отмахивалась. – Ты вон как машину здорово починила.

– И что, что умею, и прав нет, и доверенности, и Силич просто так пообещал.

– Как просто так? – удивилась Ёнка, и даже перестала тянуть Мамбин рукав. – Не, ты не слышала просто! – поняла она. – Я спросила: можно на машине, а он...

– Да слышала, – досадливо кивнула Мамба, – ну сказал.

Да ведь и правда сказал. Да и какие тут права, магазин на центральной улице поселка – две минуты ехать.

– Ключей, наверное, нету, – проворчала Мамба, недовольная собой.

– Сейчас посмотрим! – Ёнка уже пыхтя тянула дверцу сарая.

– Подожди, помогу.

Вдвоем они растворили воротины гаража. Оттуда пахнуло теплым маслом, нагретым железом. Выставились на них опасливо круглые глаза «Жигуля».

– Это мы, не бойся! – подняла ладошку Ёнка.

Мамба щелкнула выключателем, под потолком засветилась себе под нос янтарная лампочка. Подергала дверцу – заперто, конечно же. Но вместо того, чтоб со спокойной душой развернуться и уйти, Мамба обошла машину с другой стороны и дернула пассажирскую дверь.

– Оп-па! Открыто! – захлопала в ладоши Ёнка.

Мамба горделиво улыбнулась и, занырнув, открыла бардачок. Там среди ужасающего порядка лежали спокойно ключи от зажигания.

– Садись!

Ёнка скользнула на упругое кресло, чуть попрыгала от восторга и нетерпения.

Мамба села за руль, легко завела двигатель.

– Пусть прогревается, пойду ворота открою. А ты напиши Силичу записку. Вдруг вернется, перепугается до смерти.

– Ма, да мы ж быстро.

– Пиши, без разговоров! – крикнула Мамба от ворот.

– Я мелком! У меня мелок есть в кармане!

– Пойдет!

***

Мамба вернулась, села, хлопнула дверцей.

– Ну давай, аккуратненько.

Машина выкатилась по насыпи во двор и, нацелившись, выехала в ворота. Мамба оставила урчащую машину и побежала закрывать створки. Сначала неуверенно и напряженно Мамба держалась за руль, вписываясь в узкую колдобистую дачную улочку. Первый поворот. Удачно. Ёнка рядом подвизгивает от восхищения.

– Ма, ма, ой! Выезжаем! Сейчас прямо!

– Я помню, не подсказывай, – засмеялась Мамба облегченно.

Подъем. Перевалили выпирающую из-под дороги водоотводную трубу и выбрались на центральную широкую улицу. Мимо, махнув над головой «Жигуля» светом фар, промчался знакомый дачный «Икарус».

Уверенно, и даже довольно лихо, Мамба подрулила к щитовому магазинчику, сияющему квадратом окна.

– Успели!

– Ух, – выдохнула Ёнка. – Я сбегаю.

Мамба зазвенела в кармане мелочью.

– У меня есть. Свои! – Ёнка выскочила. Прыг-прыг по ступенькам. Вспыхнул ярко прямоугольник двери и закрылся.

Тишина. Только чуть вздрагивает и бормочет что-то тихо «Жигуль».

– Свои у нее, ты глянь, – бормочет тоже Мамба, но вроде не сердито.

– Ничего, не дрейфь, – утешила она «Жигуль», погладила руль рукой. – Сейчас мы тебя домой отведем, баиньки.

– Сынок, сынок! – забарабанили вдруг в стекло.

Мамба подскочила с оборвавшимся сердцем, мотнулась в боковое окно.

– Ой, доча-доча! – в оконце прижималась лицом и пятернями бабка.

Мамба крутанула вниз ручку, стекло опало, бабка чуть не ввалилась внутрь. Была она в сбившемся платке, с навьюченным за спиной рюкзаком, тяжело дышала:

– Доча, ты не видела, автобус не проходил еще?

– Ушел уже, баушка, – сочувственно кивнула Мамба.

За спиной у бабки моталась фигурка Ёнки с двумя батонами в руках.

– Ой-ё-ё-ой! Не успела. Так бежала, так бежала. Ой, ноги мои, ноги!

– Последний? – спросила Мамба.

– Последний, – сказала бабка.

***

– Садись, баушка, – Мамба преступной рукой тронула рукоятку рычага передачи, прозрачную, с распутившейся розой внутри.

Ёнка помогла бабке, скребущейся по задней дверце, открыть ручку, и оказалось, что у бабки помимо рюкзака еще расплзающаяся корзина, завязанная светлой тряпицей и набитая

чем-то вкусно пахнущим, и сумка, и пакет, и бог знает, что еще. Все это бабка толкала на заднее сиденье, роняла, запихивала, не переставая благодарить, и лезла в дверь вместе с рюкзаком, и тащила его с плеч, и запутывалась. Мамба выскочила на подмогу, наконец все упаковали, бабка расположилась, и рванули.

– Мы до трассы вас докинем, там остановка. Обгоним, наверное, автобус. А если нет, там по трассе пригородный часто ходит. Сядете спокойно.

– Ой, спасибо, доча, – приговаривала бабка и безостановочно чем-то шуршала.

Ёнка с любопытством прислушивалась и принималась. Запахи заполнили весь салон. Пахло очень сложно, и укропом, и зеленым луком, и пирожками, и медовым запахом цветов, да-да, у бабки были еще цветы. Мамба опустила чуть-чуть стекло, и ворвавшийся ветерок перемешал все запахи и добавил немного своего, острого, рвущего ноздри запаха приключения.

Подъезжая к трассе, на подъеме обогнали «Икарус», притормозили на выезде. Мамба, вытянув шею, осмотрелась и вырулила, закусив губу. Подъехали к остановке, бабка ловко десантировалась, накидывая рюкзак на плечо, поправляя платок, подхватывая пакеты, сумки. Все это молниеносно. И, крикнув напоследок:

– Дай бог вам здоровычка! Счастливо доехать! – бегом рванула к подъезжающему автобусу.

– Успели! – второй раз за сегодняшний вечер сказала Мамба.

Она, еще раз оглядевшись, развернула машину и, съехав немного на обочину, пережидала колонну фур. Стало совсем темно. Фуры шли одна за одной, бесконечным огромным доисторическим стадом. Увенчанные гребнями крыши, исполинские неповоротливые утробы, тускло светящиеся глаза. «Жигуль», припав к земле, глухо и угрожающе рычал на них.

– Ооо! – восхитилась Ёнка. – Какие!! Ма, а куда они?

– В Приморье, дорога только туда ведет.

Ёнка крутнулась на сиденье назад. Сзади далеко фосфоресцировал город.

– Это вон там наш город, да?

– Да, – тоже оглянулась Мамба.

– А в ту сторону море, да? – Ёнка повернулась обратно, махнула в ветровое стекло, где покачивал хвостом последний ящер.

– Да, – прищурилась Мамба вдаль, на теряющуюся во тьме дорогу, – воон, видишь, по сопкам вверх-вниз, вверх-вниз, там поселок, за ним карьер, а дальше я и не ездила.

– А до моря далеко? – Ёнка напряженно всматривалась поверх приборной доски в редкую мерцающую по сопкам гирлянду фар. Вот пара приблизилась, облила их светом. Промелькнула и умчалась в сторону города тяжелая ловкая туша.

Мамба, повернувшись на сиденье, смотрела на вытянувшуюся Ёнку, тоненькую, прижатую к спинке широким жестким ремнем безопасности, и медлила с ответом. Ёнка не вытягивала просительно губы трубочкой, ничего не просила вообще, но, боже, видно было все, права Мамба, в очках, в глазах, во всей фигуре. Она вся летела вдаль, туда, к морю, где никогда не была.

– Восемь часов. Десять часов. Как ехать, – сказала Мамба устало и отвернулась к рулю, как будто выполнила тяжелую работу, и не было сил даже говорить.

– Восемь часов... Десять часов, – шептали губы Ёнки. – Всю ночь.

Они обе вздохнули и отвалились на спинки кресел, которые Силич заботливой рукой перетянул шершавой синей мануфактурой. Посидели молча, только глаза вспыхивали светом проезжающих фар. Мамба медленно положила руку на рычаг. Безмолвно мимо проплыл багровый туристический автобус с белыми занавесками. Мамба тронула машину. Все прямо и прямо, мимо черного провала-поворота на дачный поселок, «Жигуль» плавно встал на трассу и поехал, разгоняясь под горку.

– Мама! – обернулась Ёнка к Мамбе.

– Да! – отозвалась та. – Не отвлекай водителя за рулем. Доедем до карьера. Там посмотрим.

Ёнка, немного приподнявшись, подсунула под себя руки и уставилась вперед. Мамба все же не выдержала, повернула лицо к дочери. Ёнка перехватила взгляд и засмеялась громко и счастливо, в глазах у них одинаково блестели и переливались морские брызги.

– Засакай время, будешь штурманом, – скомандовала Мамба, управляясь с педалями и переключением скоростей.

– Есть, капитан, – Ёнка взяла под козырек, перегнулась вбок, посмотрела на зеленые цифры приклеенного на панели прямоугольника. – 21.30! Это сколько значит?

– Полдесятого значит.

– Ну давай, родной, – тихо, наклонившись к приборам.

***

«Жигуль» разбежался под горку и легко пошел на подъем. Изредка навстречу, брызнув фарами, проскакивали светлые и темные стремительные тени машин. Иногда обгоняли их то джип-тяжеловоз, лениво поворачивающий боками, то блестящие дельфины тела легковушек. Ёнка ерзала, подскакивала на каждую машину и ухтыкала. «Жигуль» не обгонял никого. Далеко вперед ушел и багровый трехтрубный автобус, растворился в ночи. Потом машины совсем перестали появляться. Мамба и Ёнка плыли вдвоем в своем тихо урчащем «Жигуле», одни во всей ночи. Фары едва прощупывали дорогу, вокруг обступал угадываемый в темноте лес, сверху накрыло их черное небо. Мамба приноровилась к машине, села посвободней.

Ёнка покрутила радио, нашарила волну. Какое-то время они с Мамбой подпевали на два голоса известной песенке, потом радио принялось трещать и цыкать. Ёнка еще покрутила, но ничего не нашла, свист и вой наполнили салон.

– Далеко от города, не ловит, – объяснила Мамба. – Посмотри в бардачке, может, кассеты есть или диски, только аккуратно.

Ёнка аккуратно порылась, переверотив весь Силичевый порядок, нашла безымянную кассету.

– Осторожней, – Мамба покосилась на нее. – Ну-ка давай собери все как было.

На два раза послушали какого-то неизвестного им певца. Ёнка начала было зевать, но тут, поднявшись в очередной раз на холм, увидели на горизонте огни. Огни никуда не двигались, значит...

– Мама, приехали! Море!

– Пфы, аха, – хмыкнула Мамба. – Это поселок. Я же тебе говорила.

Стали опять попадаться машины.

– Ма-ама, давай там купим где-нибудь в киоске жева-ачку или леденцы, меня укачает скоро. Или конфетки такие, с Винксами.

– Хорошо, возьмем. И заправиться надо, там вроде была заправка на выезде.

Тут Мамба почему-то посуровела лицом и правой рукой прошлась по карманам. Перехватила руль, пошарила левой. Достала деньги, сосчитала шевеля губами. Открыла посильней окно и хлебнула встречного ветра. И фальшиво бодро зачестила, не глядя на Ёнку:

– Смотри, как хорошо покатались. Вот и до карьера уже почти доехали. Заправимся сейчас, леденцов тебе наберем и вернемся. Спать-спать пора. А на море в другой раз. Даже, может, уже в следующем году. Ты только не расстраивайся...

Едущий навстречу грузовик замигал вдруг часто фарами, пролетел мимо. И несущийся за ним приземистый хищный бульдог-Хаммер тоже заподмигивал.

– Чего это они? – никаким не расстроенным голосом спросила Ёнка.

– Гаишники, – бесцветно ответила Мамба.

Фары «Жигуля» заметались по дороге, свернуть было негде, и он обреченно летел к повороту, за которым ждали его они.

Мамба замерла, прикипев к рулю, Ёнка подсунула под себя привычно ладошки, застыла и даже глаза закрыла.

Поворот.

Свет фар запутался в столпившемся за поворотом стаде, Мамба еле успела отвернуть ошалевшую машину, несшуюся в фуры. Зелено-светящиеся призрачные фигуры гаишников и темные дальнобойщиков. «Жигуль» вильнул и понес. Ёнка схватила Мамбу за руку. Мамба дернулась, задела кнопку сигнала. Клаксон взвыл. Мамба убрала руку, сигнал не замолкал. Гаишники обернулись. Но «Жигуль» уже мчался вдаль, безостановочно гудя. Мамба несколько раз с силой надавила кнопку, безуспешно. Так и летели они по темной дороге с ревом и воем, подпрыгивая на неровном участке. Встречные машины шарахались. Мамба тормознула, «Жигуль» подпрыгнул на какой-то колдобине, тряхнуло так, что лязгнули зубы, и вой прекратился. Мамба с опаской нажала сигнал. Тот коротко вякнул.

– Порядок! Ты чего это нас пугаешь? Ты смотри, больше так не делай.

– Да не выделявай!

– Ёнка, а ты чего меня за руки хватаешь? Ты ж думай, так и в аварию можно влететь.

Ёнка виновато сникла.

– Однако возвращаться нам сейчас никак, – выпятила Мамба задумчиво губу. – Остановят как пить дать. Такого шуму наделали.

Дом, другой. Начался поселок. Над дорогой появились редкие фонари.

– Мам, а почему возвращаться? У нас денежек не хватает? – проницательно спросила Ёнка, не оставив незамеченным Мамбин подсчет. – Ма, ну мы ж там сколько будем, ну день, и все. Силичу машину надо отдать. Тебе на работу в понедельник. Потерпим голодные.

Мамба расхохоталась:

– Да, Ёнка, потерпим – это как раз про тебя! – потрепала ее по макушке.

Ёнка заглядывала в глаза:

– Едем, да?

– О, вот она заправка, – обрадовалась Мамба.

Поселок закончился. На самом краю его виднелась как на ладошке вся освещенная, с колоннами и крышей заправка. Совершенно пустая в этот час. В глубине белела аккуратная будочка с кассой и магазинчиком «24 часа». Зарулили к колонке. Мамба вышла, заскрежетала, открывая крышку, вставляя пистолет. Ёнка, высунув мордочку в окно, старательно читала трепыхающийся на вечернем ветерке плакат:

– РОЗЫ... РЫ... Мама, а что такое розы ры?

– Где розы ры? – вышла из задумчивости Мамба. – А, розыгрыш это, Ёнка, там лампочки не все светятся. Г и Ш не видно. РозыГрыШ.

Мамба ушла платить. Загудел под напором шланг. Ёнка смотрела, как проплыло мимо заправки, гребнями задевая небо, стадо фур.

***

Мамба принесла из магазинчика тощий пакет, в котором шуршали леденцы и топорщилась бутылка газировки, и, закидывая его на заднее сиденье, удивилась:

– Ёнка, а бабушка тут что-то оставила.

– Где? – Ёнка крунулась, отбрасывая ремень. – О, гляди, тут пирожки! А я нюхаю, пахнет и пахнет. Уже бабушка давно как ушла, а все пахнет.

– Ага, и помидоры.

На сиденье лежали завернутые в бумагу пирожки, здоровенные, с мужскую ладонь. И отдельной кучкой помидоры в тряпице. Тоже огромные, корявые, сорт «Бычье сердце».

– Самые вкусные! А у нас еще два батона! Живем! Ура! Спасибо бабушке! Смотри, мам, еда есть. Едем дальше! На море! Едем! – Ёнка блаженно крутила носом, еще и еще вдыхая запах.

– Да, еда в походе – это самое главное, – пробормотала Мамба. – Пойду заправлюсь до полного.

И по пути к кассе еще бормотала:

– Еда – главное, а бензин?

Возле окошка заправок, повернувшись спиной к «Жигулю», еще раз достала деньги из всех карманов и, сверяясь по ценнику на стекле, разложила на три кучки.

– Вот, три. А надо? Надо четыре. Две – туда. Две – обратно. Хоть как разложи – три.

Черная бродяжья кровь закипела в Мамбе.

– Будь что будет, – произнесла она вслух старинное заклинание и положила деньги в пенал, торчащий из окошка.

– Что? – гулко переспросила девушка за стеклом.

– Третья колонка. На все.

Девушка за стеклом потрещала на кассовом аппарате и вдруг обрадовалась:

– А вам приз полагается! У нас розыгрыш, видите? На ваш чек выпадает.

Бродяжья кровь стучала у Мамбы в ушах, и она решительно ничего не понимала.

А девушка тыкала пальцем в стекло и показывала на что-то за спиной Мамбы. Мамба обернулась. Там обвисал во временном безветрии плакат. Под плакатом в машине маялась в ожидании Ёнка.

– Ага, вижу... РОЗЫ РЫ.

– Вот. На чеке, видите, те же цифры.

Мамба не видела, но кивнула.

– Я вам сейчас оформлю. Талон-сертификат. 200 литров бензина.

Ликование волной поднялось в Мамбе.

– Дайте только документ какой-нибудь.

Упп, волна опала и с шумом откатила.

– Какой документ? – спросила она, все уже поняв.

– Права можно, паспорт, что есть.

– Сейчас, – Мамба повернулась на месте и с прямой спиной пошла к машине.

– Чего, мам?

Мамба молча засунулась со стороны Ёнки в окно и принялась копаться в бардачке, ясно понимая, что занимается бесполезным делом. Тут под руки ей попался картонный квадратик. Корочки. Пенсионное удостоверение. Мамба открыла. На имя Одарюка Василия Васильевича. Мамба понесла его в окошечко, ни на что не надеясь:

– На отца оформите, пожалуйста, он будет получать.

Здесь, на краю поселка, были либеральные порядки. Девушка не стала удивляться и задавать вопросы, дала Мамбе расписаться (Мамба поставила кривую закорючку), поздравила еще раз и вручила красиво отпечатанный сертификат на бензин. Мамба повернулась от окна к Ёнке и помахала ей победно бумажкой. Обернулась поблагодарить девушку и увидела, как та достает откуда-то из-за кассы и примеряет голубого сафьяна расшитый кокошник. Девушка встретилась с Мамбой глазами, рассмеялась и задернула светлую шторку с приклеенной к ней надписью ПЕРЕРЫВ.

***

Ехали и ехали в ночи, потеряв счет времени и километрам. Болтали обо всем. Грызли Ёнкины леденцы, сжевали по одному «припасенному на потом» пирожку. Ёнка без конца прихлебывала из горлышка газировку. Мамба два раза пила на ходу противный саморазогревающийся кофе из банки. В конце концов, Ёнка заерзала и запросилась под кустик. Шоссе шло бесконечным полем. Кустиков не было. Мамба свернула на поперечную грунтовую дорогу, проехала немного и остановилась.

– Ёнка, беги за машину.

– Не, я в стороночку пойду. Тут видно.

– Да кого тут видно? Я вон руки своей не вижу, если вытяну.

Но Ёнка запыхтела упрямо и, хоть была трусовата, уползла с дороги под откос в крошечную тьму. Мамба открыла дверь, спустила ноги на землю, пошевелила пальцами. Вокруг стояла оглушающая тишина и одновременно треск насекомых. «Цикады», – подумалось Мамбе. Над самой головой шевелились густо звезды. Было похоже, что это они издают такие звуки. И показалось Мамбе, что вокруг кроме нее никого, только темнота и тишина, и стрекотание, и звезды. И нет никакой Ёнки, и не было никогда. Панический ужас обуял Мамбу:

– Ёнка!!!!!! – завопила она надтреснутым, сорвавшимся на хрип голосом. И в миг, пока кричала, поняла ясно, нет Ёнки. Нет нигде.

– Ты чего? – донеслось снизу, из-под локтя Мамбы. – Волки?!

И Ёнка полезла на откос, оскользаясь по насыпи. «Жигуль» осветил фарой. Мамба рывком вытащила ее за руку, прижала к себе. И, медленно успокаиваясь, заглушая свое стучащее в тишине сердце, сказала:

– Долго ты!

– А я тебе цветочек сорвала. Вот, – протянула мятую в кулаке былинку.

Мамба, все еще в плену собственного страха, отвела руку Ёнки от лица:

– Господи, Ёнка, какой цветочек, там же не видно ничего.

– А у меня глазки молоденькие, – сказала Ёнка обидчиво и мокро сверкнула очками.

В машине Мамба все же опомнилась и отобрала у Ёнки цветок, действительно какой-то луговой цветик, пыталась его нюхать, пристроила на руль, говорила какая красота, но ничего не помогло. Ёнка сидела молча, смотрела прямо. Только и заметно было, что подозрительно покраснел ее носишко.

– Ёнка, ну прекращай, зачем это?

– Мама, тебе со мной одна морока, – вдруг спокойно и раздумчиво сказала Ёнка. – И неприятности.

– Что, – удивилась Мамба, чуть не забыв от изумления рулить.

– Я ж не маленькая. Я все понимаю. Тебе без меня было бы легче.

– Ага, – согласилась Мамба.

– Жить было бы спокойней. Тебе. Без меня.

– Точно, – подтвердила Мамба. – Еще что?

– Все. Нет. Еще. Ты молодая и могла бы устроить свою жизнь. Без меня.

– Понятно, – подытожила Мамба. – Это из какого кино?

– В 14.30. По Дневному.

– Ха-рроший фильм, видать, – с чувством произнесла Мамба. – Больше его не смотрим, ага? Мир?

– Ага! Мир! – повеселела Ёнка и потом проделала долгий ритуал мирись-мирись-мирись с трясением сцепленными мизинцами.

– А здорово у нас, ма, выходные проходят все время! Помнишь, на прошлом воскресении...

– Помню, Ёнка. Но ты давай рассказывай, а то я засну сейчас. А это кр-райне нежелательно, – проговорила Мамба, зевая и похрустывая сведенными плечами.

– А мы с тобой ходили к дяде Анвару на деньрождение.

– Дальше. Развернутым текстом.

Ёнка заважничала:

– Буду развернутым, ага. Дядя Анвар с тетей Розой живут в старой двухэтажке за большими домами. На втором этаже. А напротив – шестнадцатиэтажка стоит. А дядя Анвар всегда на день рождения гостей зовет и шашлыки жарит, там лесочек недалеко. И постоянно говорит, на мой день рождения всегда хорошая погода, потому что я хороший человек, – Ёнка хихикнула. – А в этот раз, не знаю почему, дождь как полил! А мы пришли с подарком, а у дяди Анвара все гости сидят на диване растерянные. А дядя Анвар как тигр бегает по комнате, в окно смотрит и говорит: сейчас, уже сейчас солнышко выглянет, видите – светлеет уже. А оно ничего не светлеет, правда, мам?

– Правда.

– И мяса полная кастрюля в коридоре стоит.

– Да, и тетя Роза чуть не плачет. Гости угощать нечем. Дядя Анвар ей ничего готовить не велел.

– Да, сказал: шашлыки жарить будем. Дорогих гостей надо мясом угощать, – Ёнка свела брови, как дядя Анвар, и подняла палец. – И гости все, и взрослые, и дети, не знают, что делать. И Ёшка, их мальчишка, расстроился. И Эдик пришел с Бретой, собакой своей. И дед-медогон пришел, Керубино.

– Херувимов, ох, Ёнка, все переиначишь!

– Ну ладно, Керубино лучше. А тут ты говоришь.

– Интересно, что это я говорю?

– А ты говоришь, – светленькая Ёнка приподняла брови, чуть прищурила круглые глаза, стала вдруг похожа на смуглую Мамбу, и сказала ее горловым голосом: – Дядя Анвар, пойдете на балкон, там отлично мангал поместится.

– Да, балкон у них мировой!

– Он длинный-длинный, широкий-широкий и за угол еще заворачивается. И крыша железная. Мангал поставили. Дядя Анвар как обрадовался! А дождь до самого вечера шел. И брызги иногда на нас попадали. Мы как на корабле были. Мы с Ёшкой и Бретой еще поиграли немного за углом в корабль. И гости на табуретках все сидели, в руках тарелки держали. А с шестнадцатиэтажки на нас все смотрели в окошко, им тоже, наверное, к нам хотелось. У нас на балконе дымок и мясом так пахло. А Керубино меду принес дяде Анвару. Чай вкусный пили. Мам, давай еще по пирожку съедим, – внезапно оборвала Ёнка рассказ. – Аж есть захотелось, от таких воспоминаний.

Мамба, поворчав, разрешила. Ёнка пожевала немного и вяло и заснула с пирожком в руке.

– Ну вот, – сказала себе Мамба. – Теперь держись. Не спать, не спать.

Она ехала и твердила вслух таблицу умножения. И когда поняла, что уже двадцатый раз повторяет сквозь стиснутые зубы: четырежды один четыре, не спать не спать, четырежды один... поняла – надо спать. Прямо сейчас. Она свернула на обочину, потыкала пальцем в приклеенные на панели часы, поставила будильник на полчаса, нашарила и опустила Ёнкино сиденье (Ёнка сразу же повернулась на бочок и поджала ноги), последним усилием защелкнула замки на дверцах и, дернув рычажок своего сиденья, просто рухнула в сон.

***

«Жигуль» стоял почти неразличимый в тени деревьев. Его мягко покачивало редкой волной от пронесившихся машин. Он спал так сладко, как не спал с молодости, набегавшись с молодым еще хозяином. Казалось, он по-щенячьи перебирает лапами во сне, вздрагивает плечами и даже подскуливает. Мамбе слышалось, что поскуливает он все громче и громче, и наконец, разорвав сон, очнулась – будильник. Торопливо, оглядываясь на Ёнку, давила по очереди все кнопки на часах и никак не могла врубиться, как отключить противный писк.

– Как же я его включила? – бормотала она, все зыря на Ёнку. Но та спала честным сном, улыбаясь счастливой детской улыбкой, положив под щеку кулачок с пирогом.

С досады ткнула какие-то две кнопки разом, писк оборвался.

Мамба потрясла кистями рук, покрутила из стороны в сторону головой и внезапно почувствовала, что выпалась и полна сил. Приподнявшись, посмотрелась в длинное зеркало заднего вида и осталась довольна. Только чуть более дико, чем обычно, блестят глаза, но это ее даже красит.

– Вперед, мой конь! Дети спят, настало взрослое время! Мы покажем класс!

«Жигуль» отозвался хрипло со сна:

– Дхрынь!

И рванул с места, немного хулигански заскрежетав колесами по щебню обочины.

Развернулся на горизонте город. Светящейся огнями белой шкурой медведем разлегся на сопках. Город быстро приближался, распался на отдельные огни. Мамба запереживала вдруг, что дорога заведет в центр города. В чужом городе, в самой сердцевине ночи она и заблудится, и пропадет на веки вечные. Мамба беспомощно обернулась на Ёнку. Та открыла полные снов безмятежные глаза, прошептала: «Мама». И опять уснула, еще нежней прижав к себе пирожок.

Мамба рассмеялась беззвучно. И так, смеясь, не успев испугаться, проплыла медленно как в сновидении мимо застывшей в засаде машины ГАИ. Запоздалый испуг пузырьками ударил в голову. Впрочем, бояться было нечего. В машине все спали: двое парней в форме, один – положив голову на руль, другой – откинувшись, задрал подбородок.

Тут очень удачно обогнал Мамбу серебристый джип и понесся к городу. Мамба наддала и держалась за ним. Оказалось, вокруг города есть обводная дорога, и «Жигуль» лихо по ней проскакал. За городом джип свернул на заправку, и хорошо, что свернул, Мамба сама бы ее не заметила. Заправка никак не освещалась, ее было практически не видно. Там в полутьме окошечка зевающая заправщица приняла у Мамбы ее талон и без вопросов отпустила бензин. Мамба повеселела, все-таки ее грызли сомнения.

Время не двигалось, километры мотались и мотались на колеса. И опять мучительно навалилась дрема. Уснуть прямо за рулем, совсем на немножко, можно даже не засыпать, а просто вот так чуть-чуть прикрыть глаза, дорога впереди ровная, никого. Мамба очнулась, «Жигуль» летел к откосу. Кое-как выровняв машину, затормозила. Нащипала себя за руку чуть не до крови, вышла на воздух, помахала руками-ногами, еще попила кофе. Даже его обычно бодрящий запах навевал дремоту. Ёнка проснулась.

– Мы чего стоим? Приехали уже? – подхватила она.

– Нет еще, моя хорошая, это я засыпаю на ходу.

– А ты, мам, поспи-поспи, давай я порую. Ты мне все прям покажи как и спи.

Мамба усмехнулась:

– Не, Ёнка, спасибо, я сама. Я уже проснулась.

– Я, мам, тогда не буду спать, буду с тобой разговаривать.

– Угу.

Поехали. Ёнка отдохнула, ей опять все было интересно.

– Мам, смотри, огонечки, это поезд, ту-ту, он, наверное, на море тоже едет. Ту-у, мы его сейчас обгоним, ой, пропал куда-то. Ой, вон мост! Ой, по мосту сейчас поедem! Ой, вон опять поезд, гляди-гляди.

Она тормозила Мамбу, и сон отступил куда-то вглубь салона, на заднее сиденье и там затаился.

Опять ехали лесом, дорога была сплошь из одних поворотов.

Мамба напевала:

– Эх, российская дорога – семь загибов на версту.

Ёнка немедленно привязалась, что такое верста и что такое загибы. Мамба закричала, копясь в памяти. Время ухмыльнулось и стало чуть-чуть двигаться.

***

Ёнка первая увидела впереди непорядок. Она подскочила, сколько ей позволил ремень безопасности, и затыкала пальцем в стекло.

– Мама, глянь! Автобус стоит красный с туристами. Помнишь, мы его в самом начале видели. Чего это они все бегают?

Мамба тоже увидела. Багрово светящийся в ночи огромный автобус застыл впереди. В салоне тревожно светились плотные белые занавески. Все двери были раскрыты, растопырены в стороны, как надкрылья у жука. В них вбегали-выбегали люди. И даже на расстоянии слышны были их громкие испуганные голоса.

– Что-то случилось.

Мамба подъехала, суетясь, отстегнула ремень, открыла дверцу и выскочила. Ёнка выбралась следом.

– Что такое?

– Человеку плохо! Умирает, – закричала перекошенным в панике ртом женщина. Она расплылась в дверях автобуса подтаявшей от ужаса глыбой и мешала войти.

– Где? – но было уже слышно, как внутри в автобусе кто-то с всхлипом, жутко задыхаясь, тянет в себя воздух, как будто пытаясь вобрать его весь. Мамба без церемоний оттолкнула женщину и, споткнувшись на крутых ступеньках, ударившись коленкой, чуть не на карачках вскарабкалась в автобус. В автобусе было плотно забито людьми проход, все галдели и толкались, и кричали на разные голоса:

– Разойдитесь, дайте воздуху ему, воздуху, откройте окно! Валидолу! Это сердце!

Какой-то мужик в сбитых шортах, майке, с аптечкой в руках, похоже, водитель, все силился пролезть внутрь, все толкал свою аптечку в спины:

– Передайте! Передайте хоть туда!

Но его никто не слушал. Плакал на улице разбуженный ребенок.

– А-а-ах! – задыхался кто-то невидимый.

Мамба выхватила аптечку у водителя и громкоподобно и уверенно объявив:

– Врач! Пр-ропустите! – раздвинула руками неожиданно подавшуюся толпу. Все смолкли и обернулись.

Человек лежал полусползши с кресла на пол, весь застыв и как-то скрючившись. Он внезапно разгнулся и ловил губами непослушный воздух со страшным свистом.

Мамба приблизилась.

– Вот ведь, – жалостливо проговорила за ее спиной бабенка. – Только сидел ел мужик. И все. Помирает.

– Что ел? – резко обернулась на ее голос Мамба.

– Орешки. Орешки щелкал.

– А-ш-ш-ш... – свистел умирающий.

Мамба подхватила его невозможно тяжелое тело под мышки, подняла непонятно какими силами, прижала к себе спиной и, сцепив руки на его животе, под ребрами, резко надавила. Внутрь и вверх.

– К-ха! – дико кашлянул выпучивая глаза человек.

– Ой! Ты что?! Что ж творишь? – заверещала бабенка.

– Кха, – у человека что-то вылетело изо рта. И он весь обмяк.

– Помер!

– Мыть-перемыть, – сказал человек. Мамба мягко опустила его на пол. Руки у нее тряслись, ходили ходуном.

– Ха, живой! – загалдели вокруг. – Раз ругается, значит, живой!

Кто-то уже трепал его по плечу. Мужик откашливался, озирался и дышал. Дышал!

– Подавился. Подавился, – народ напирал, всем хотелось посмотреть на человека, уже чуть было не встретившегося с НЕЙ, но вернувшегося.

Мамба выбралась на ступеньки, ее отталкивали, поднимаясь внутрь, все новые люди. Мамба дошла до своей машины и села на пороге, облокотившись на колени, голову уронив на руки. К ней продралась сквозь толпу Ёнка:

– Мама-мама! Что ты?

– Сейчас, Ёнка, – сказала Мамба. – Отдышусь и поедем.

– Мам! – Ёнка отнимала ее руки от лица.

– Нормально все, устала немного.

Мамба пересилила себя и, подняв лицо, улыбнулась кривовато в сторону, чтобы Ёнка не видела мокрых глаз. Ёнка успокоилась.

Подшли двое мужиков в одинаковых клетчатых шортах, похожих на трусы, и в сандалиях на носки. Сами чем-то неуловимо похожие друг на друга, отпечатком, который оставляет профессия. У обоих мягкие какие-то, чуть на сторону, носы драчунов и забияк. Водители. Мамба встала:

– Что?!

– Мужик? Нормально, задрых сразу. Как вы его!.. Ну супер!..

Они благодарили, жали Мамбе руки, хлопали по плечу. Мамба как не слышала их.

– Что-то вы совсем раскисли, – сказал первый, тот, что был с аптечкой. – Вы на море?

– Да, – Мамба слабо кивнула.

Ёнка с горящими глазами подпрыгивала рядом:

– Мы на море, на море, первый раз! Это моя мама!

– Хорошая у тебя мама. Давайте напарник поведет вашу машину. Отдохните. Мы в Ясный берег на турбазу. А вы?

– И мы, – опять кивнула Мамба.

– Хорошо, погнали. Время, – и пошел к автобусу, где уже расселись и нетерпеливо поглядывали на них, приоткрывая занавески, отдыхающие.

Мамба послушно полезла на заднее сиденье. Второй водитель уверенно положил руки на руль, и «Жигуль», не брыкаясь, почувствовав мастера, тронулся следом за автобусом.

Ёнка сразу завела с водителем высокотехнический разговор, дотошно выпрашивая его об особенностях управления именно этим типом автобусов. Тот вполне серьезно ей отвечал. И несколько раз пытался спросить у Ёнки, как же зовут ее маму, но не мог никак найти подходящий момент. В зеркало Мамбе был виден его глаз, временами устремленный на нее, и крепкая шершавая скула. Сама Мамба впала в какой-то ступор, и ей все казалось, что она сидит на крыльце у Силича с яблоком в руке. Даже чувствовался его кислотовато-вяжущий вкус во рту. И кисть сжималась поудобней ухватить яблоко, а потом оказывалось, что яблока нет. Мамба встряхивалась. И опять сидит на крыльце. И опять.

И тут вдруг закончился лес, и стало видно, что далеко на горизонте у темного пальто неба занялся огнем самый краешек.

– Ой, – завопила Ёнка. – Мама! Утро!

Мамба очнулась. Водитель явственно вздрогнул.

– Напугала. Так кричишь.

– Ну утро! Утро же!

Мамба тронула водителя за плечо:

– Все. Спасибо. Дальше мы сами.

– Да уже недалеко осталось. Я довезу.

Мамба настаивала, не поддаваясь на его уговоры.

– Нет-нет, сами.

Водитель, что-то пробормотав, замигал фарами. Автобус впереди остановился. Водитель вышел. Мамба вышла тоже, взялась за переднюю дверцу. Водитель близко придвинулся мягким мятым носом, так, что Мамба почувствовала приятный запах мужского парфюма, заглянул в ее черные глаза и попросил дать ему телефон. Мамба пришла в себя окончательно и, засмеявшись, сказала:

– Спасибо. Телефон вам дать не могу. Могу дать яблоко.

И, приняв яблоко от Ёнки, которая уже протягивала его в окошко, с щедростью Евы вложила его в руку водителя.

– Гарбуза, – садясь за руль, тихо усмехнулась себе Мамба.

Мамба ждала, что Ёнка сейчас прицепится: что хотел дядя, проголодался, что ли, но Ёнка ничего не спросила. Мамба удивленно отметила про себя: растет девочка.

***

Рассветные сумерки завернули машину в сырую простыню. Ёнка ехала притихшая, подложив под себя руки. О чем-то размышляла.

– Мама, – позвала.

– Что?

– А получается, что если бы мы не взяли у Силича машину и не поехали бы ночью на море, этот человек в автобусе, он бы умер?

– Но мы ж поехали. Наверное, ему на роду было написано остаться сегодня живым.

Ёнка опять замолчала, и Мамба подумала, что сейчас Ёнка пойдет вслед за своими мыслями далеко и начнет думать совсем печальные мысли о том, что все не вечны, и только собралась ее отвлечь, как солнце бойко выключнулось слева от дороги.

– Солнышко! – мгновенно развеялась Ёнкина печаль. Ёнка вытянула солнцу навстречу ладони, как будто подавая на них зерна цыпленку.

И Мамба, заглядевшись на нее, чуть не прозевала момент, как автобус вильнул на развилке вправо. А потом, через какое-то время, на другой развилке влево, и пошло: перекрестки, ответвления, повороты, рощицы, болотца, спуски, подъемы. Мамба удивлялась своей самонадеянности: на море поехали! Да они б сами тут неделю проплутали, а к морю не вышли. И хоть стояли кое-где на перекрестках указатели, но незнающему в них разобраться было почти невозможно.

Мамба опять быстро устала, на старые дрожжи. Тянула из последних сил. И вроде уже близко, и нет конца. Дорога началась уже двухколейная, а на какой-то развилке сменилась на однокорейку, потом на грунтовую. По одну сторону дороги начались турбазы, бескрайние высокие заборы, из-за которых не было видно моря, закрытые ворота с надписью «Добро пожаловать», полосатые будочки охранников. По другую – редкая поросль низких деревьев и высокой полыни, разочаровавшая Мамбу. Почему-то казалось, на море все должно быть не так.

– Вот сюда! – вскрикивала Ёнка возле каждого ворот, но автобус, подвивая от утомления, полз дальше, в горку. «Жигуль» держался молодцом, старый конь. Тут только Мамба подумала, что она даже не знает, есть ли у них в машине запаска, и закачала своим растрепавшимся за ночь хвостом, удивляясь сама на себя.

Внезапно автобус остановился, оперевшись носом в шлагбаум, несколько раз мигнул аварийкой, привлекая внимание Мамбы, и настойчиво заморгал поворот налево. Мамба объехала его слева и увидела узкую дорогу вниз, прорезанную в сопке, и надпись над шлагбаумом «Ясный берег». Мамба помахала и благодарно мотнула головой в сторону кабины автобуса, отсвечивающей ярко поднявшимся солнцем. Вроде кто-то взмахнул ей в ответ, но солнце слепило, и не разобрать было, кто за рулем. «Жигуль» повернул налево вниз, а автобус поплыл прямо за шлагбаум.

– А мы не туда? – спросила Ёнка.

– Не, мы ж с тобой дикари, – еле выговорила Мамба через непреодолимую зевоту, выворачивая руль по бульдозерной дороге.

– Хы, – гордо сверкнула солнечными очками Ёнка. – Мы – дикари! Особенно ты, мама, похожа. У тебя волосы совсем за ночь разлохматились. Ма! – Ёнка вскочила на ноги, стукнулась лбом в стекло. – Море! Вот оно! Приехали!

***

Действительно, стало видно море. «Жигуль» сполз по крутой дорожке на берег тихой бухты. Мамба посмотрела и чуть не заплакала: разочарование продолжалось. Не было бескрайнего моря, как описывают его в книгах. Небольшой залив, зажатый по бокам такими обычными домашними сопками, заросшими все той же полынью. По низинкам стлался несвежий туман. Раннее солнце зашло в этот момент за облако, и вода казалась серой и непрозрачной, такой же, как в их речке. Каменистый берег был по линии прибоя зашлепан бурными кучками водорослей. С правой стороны торчал решетчатый забор «Ясного берега», на несколько шагов уходящий в воду.

Но Ёнка ничего этого не замечала. В ней бурлил восторг.

– Мама! Выходим! – она рвала дверцу на себя.

– Стой! Вывалишься! погоди! Вот, сейчас! Все, выходи.

«Жигуль» приткнулся боком к забору, коротко взглянул удивленными глазами на воду и уснул стоя.

Ёнка, протягивая руки и что-то вопя, побежала к воде, утопая в мокром песке сандалетами. Мамба отвернулась спиной к морю, открыла заднюю дверцу, заглянула задумчиво. Открыла багажник, и со словами:

– Должен быть, – порывшись, вытащила брезент.

– Ага, есть.

Растянула, тяжелый, огромный. Прикинула, можно накинуть краем на машину, под другой край две жердины – будет навес. С тоской завертела головой по сторонам, нет жердин. Вон, только туда на сопку лезть, там ломать. Руки опустились. И тут Мамба увидела за забором, на пляже «Ясного берега» под грибочками лежаки. Нет, спать там нельзя, тень от грибочка далеко от лежаков, сварись на солнце. А дальше, о, по самой границе пляжа размахались крыльями на утреннем ветерке полотняные шатры, и в каждом по паре деревянных топчанов, и никого по случаю раннего времени. Мамба накрыла неподъемным брезентом «Жигуль»:

– Спи, умаялся, бродяга, – покричала: – Ён-ка!

Ёнка обернула к ней недоуменное лицо, в ладошках у нее была вода. Она уже по колени забралась в море. Над водой мокро темнели гольфы. Она искренне не понимала, что от нее

нужно маме, ведь море же вот оно. В Мамбе вдруг взбурлила ярость: отшлепать ее и тянуть за руку из воды, а лучше за шкуру, и трясти и что-то поучительное приговаривать.

– Что, мам?!

– Спокойно, спокойно, – прошипела себе Мамба. – Это просто усталость. Усталость. Раз-два-три-четы...

– Ёнка, надо поспать. Пойдем.

И, не слушая Ёнкино: «Я не хочу» и «Я уже выспалась», Мамба круто развернулась, быстро увела себя от греха к машине и залезла под брезент. Там сняла с заднего сиденья две белые вязаные накидки и, пятясь, выползла. Заинтересованная Ёнка уже стояла рядом, в голове желтел песок:

– Туда спать полезем, под брезент? Как кошки?

– Неа, туда, – Мамба ткнула пальцем в забор.

– Здорово! – Ёнка рванула к забору. Ей нравилась наступившая жизнь. – Полезли! А ты мама залезешь? – с обидным сомнением оглянулась она.

– Нормальные героини всегда идут в обход, – привычной присказкой ответила Мамба, про себя подумав: «Конечно залезу».

Мамба подкатала брюки, разулась, взяла Ёнку за руку, в другую подхватила свои белые, замечательные, совсем курортные шлепанцы и пошла в море. Ёнка повлеклась следом, хлюпая сандалиями.

– Маа-ма, погоди, я тоже разу-юсь.

– Это лишнее, поверь мне.

Вдоль забора они заходили все глубже в воду. Когда Ёнке стало по юбочку, Мамба подхватила ее, легкую, на руки и, чуть замочив свои подвернутые штаны, обогнула последний столб. На той стороне было даже дно другое, без камней, мягкий песок обволакивал босые пальцы и щекотно взвивался вверх. Мамба выбралась на берег, чисто расчесанный проволочными граблями и, увязая в песке, тяжело проваливаясь, пошагала вверх. Каждый шаг давался ей почему-то с большим трудом, и только когда Ёнка заерзала:

– Отпусти, мам, я слезу, – поняла, что все еще несет Ёнку.

Отпустила, но легче не стало, силы оставили ее. Уже совсем плохо понимая, что делает и где находится, затащила в шатер, распялила кое-как на топчанах накидки. Села и, приказав:

– Спи! – пошатываясь, ждала, пока Ёнка уляжется. Ёнка очень хотела опять завести свою песню про «не устала», но, посмотрев Мамбе в глаза, промолчала и легла.

Мамба рухнула вниз лицом на скамью, как та береза на заднем дворе дачи.

Ёнка, лежа на спине, поглядела в просвечивающий белый потолок шатра и прошептала:

– Люблю я ездить на дачу. Интересно так...

***

Она честно попыталась заснуть, плотно натянула веки на глаза, но веки предательски расползались, и глаза устремлялись на полоску серебристого моря в распахнутой прорези шатра. Мамба не задернула полог. Тогда Ёнка повернулась на бок и принялась смотреть на Мамбу. Мамба спала тяжело: дергалась, всхлипывала. Потом вкусный морской воздух сделал свое. Дыхание стало ровным, все ее большое тело расслабилось, легкая улыбка слетела на лицо.

Ёнка покряхтела, попыталась улечься так и сяк. То поджимала ноги почти к груди, то переворачивалась, то закручивалась в накидку, то отбрасывала ее. Бесполезно. Ёнка села. Как можно спать, когда море ждет. Тут Ёнка увидела, как на пустой пляж выбежало, высоко поднимая ноги, семейство: мама с полотенцем на плече, двое детей. Раз-два, побежали! – слышались команды. Дети неохотно, спотыкаясь, бежали следом, спросонья натываясь друг на друга. Потом женщина захлопала в ладоши: Раз-два, окунаемся! Дети скулили и ворчали, но мать

все же загнала их в воду. И там еще заставляла их проделывать упражнения. И когда они только вошли во вкус, женщина посмотрела на часы: Вылезаем! Раз-два! С нытьем вытащила их на берег, энергично растерла полотенцем. И-и-и – раз-два, побежали! Семейство убежало. Ёнка с любопытством смотрела на них, потом встала, надо идти, а то скоро все проснутся, займут ее море. Ёнка сделала шаг к выходу, обернулась на Мамбу. Мамба спала безмятежно.

– Мама, я тут буду рядышком. Тебе будет видно, – тихо отпросилась Ёнка, вышла из шатра и, как вылупившийся черепашонок, устремилась к воде неловкими затекшими ногами.

Перед водой она тихо и уважительно присела на корточки и протянула ему обе руки.

– Море, здравствуй, море.

Теплое море нежно погладило об ее ладошки.

Ёнка рассмеялась, вскочила и распахнула руки, ей хотелось то ли вобрать в себя без остатка мир вокруг, то ли подарить себя без остатка этому миру. Она стояла вся вытянувшись и распростершись, и чуть поворачивалась из стороны в сторону, как антенна-орбита. И когда ей показалось, что она впитала в себя и этот свет, и море, и простор, она захотела обнять море и прижать его к своему сердцу. Она быстро присела, наклонилась и, окунув руки по плечи, загребла на себя столько воды, сколько удалось. Море чуть притихло задумавшись, и вдруг выплеснуло ей под ноги дары: невиданно огромную кипенно-белую раковину и золотое, блестящее камушком, колечко.

– Ух ты! – прошептала Ёнка. – То есть: спасибо... Какая ракушка... Кто ж в ней жил?

Она положила в раковину колечко и еще обкатанное бутылочное стеклышко, и еще полупрозрачный камушек и загудела в упоении.

– Это корабль. С сокровищами. Он плывет по волнам, – Ёнка водила раковиной по воде, сгибаясь все ниже, стараясь совместить в створе свою ракушку с белым кораблем, словно нарисованным далеко-далеко, на пересечении воды и неба. Ракушка была огромной, а корабль маленьким.

Из шатра выскочила, откинув полог, встревоженная Мамба. В сон ей толкнулось иголкой ощущение, что Ёнки рядом нет. Она вымахнула наружу, просыпаясь уже в движении. Черкнула взглядом по горизонту. Мгновенно успокоившись, уперлась в фигурку Ёнки – запятой на линии прибоя, и вдруг ей до замирания в сердце понравилось все вокруг – эта сверкающая каждой точкой бесконечность моря и светящаяся каждой точкой бесконечность неба, и эта крошечная запятая, без которой все вокруг потеряло бы смысл. Мамба постояла молча, переполняясь восторгом, и, когда не было уже сил терпеть, замычала тихонько, не в силах передать, что с ней творилось, и раскинула руки. Ей хотелось вобрать в себя весь мир, сохранить на веки вечные эту минуту и подарить ее Ёнке. И немного оставить себе.

– А сейчас появится принцесса-русалочка, – бормотала Ёнка тихонько и, не вставая с корточек, оглянулась. Увидела Мамбу, зажмуренную и распростертую на фоне слепящего неба, улыбнулась ласково и чуть снисходительно. И, еще оборотившись, увидела белую женщину, беловолосую, в белом купальнике, бегущую со склона холма, от домиков вниз, к ним на берег.

***

Женщина бежала быстро, босиком, белыми нежными ногами, совсем не замечая острых впивающихся камешков. Она не замечала также и Ёнки, вылетев к морю совсем рядом, в двух шагах.

Вылетела, рискнула дикими глазами вправо-влево и заметалась по краю моря, всплескивая руками, всхлипывая. Вдруг наклонялась, хватала что-то дрожащими пальцами и, чуть взглянув, бросала и опять металась.

Настороженная Мамба подтянулась к Ёнке. Ёнка встала. Мамба положила руку ей на плечо.

Женщина, по-прежнему не замечая их, сцепила пальцы замком, плотно прижала к губам и прихватила зубами. Взгляд ее был устремлен на белый корабль, в прекрасных голубых глазах стояли слезы. Подбородок трясся.

Ёнка вывернулась из-под Мамбиной руки и пошлепала по мокрому песку к незнакомке. Мамба, увязая глубже, последовала за ней. Ёнка – стеснительная и всегда говорившая: лучше ты, мама, скажи, – подошла к незнакомке почти вплотную и, протягивая стекляшку, кольцо, камушек и раковину, нисколько не смущаясь, сказала:

– Не плачьте, пожалуйста. Вот. Возьмите.

– Боже, – сказала незнакомка, когда смогла говорить. – Оно.

Она медленно расцепила пальцы и подала Ёнке руку ладонью вверх. Ёнка также медленно положила в руку кольцо. Ёнка знала толк в этих делах.

Потом незнакомка, уже смеясь, тащила их, упирающихся, наверх в лагерь. И, в конце концов, все-таки согласились, чтоб она угостила их завтраком.

Вскоре Мамба и Ёнка сидели с незнакомкой, накинувшей на себя белый струящийся халатик, в насквозь прозрачном зале кафе, прилепившемся к горе над самым морем. Стеклянные стены его были чуть притенены зеленоватыми, до пола занавесками, ничуть не скрывающими обзор, а только делающими изображение еще более волшебным, как купола изумрудного города.

– Дорогие мои, что вам заказать? Креветок? Хотите? Все, что хотите! Морские деликатесы? Фирменное у них очень вкусное, – голос гулко звучал в пустом еще зале.

– Мне сырники, – с ходу определилась Ёнка, одной рукой нашаривая среди лежащих под прозрачной столешницей журналов – с феями.

– Шашлык, если можно, – заказала приземленно-практичная Мамба. Мясом наесться можно надолго.

Незнакомка, впрочем, она уже представилась, но рассеянная Мамба тут же забыла имя, аристократично заказала кофе. И с доверчивостью случайного попутчика рассказывала:

– А я, представляете, вчера искупаться вечером решила. А утром только глаза открыла, чувствую, беда. Смотрю – нет кольца, – она подняла руку и посмотрела на безымянный палец. Кольцо отсвечивало немного жирным, дорогим глянцем. – Это ужас! Мне его подарил мой будущий муж.

– Ухум, – кивнула головой Ёнка. Все было правильно.

Мамба, выпятив нижнюю губу, тоже сочувственно покивала, подперши подбородок пятерней с блестящими перстнями.

– Он очень богат. Он приплыл сюда на своем корабле. И сегодня должен забрать меня в круиз. Мы договорились. Здесь встретиться. Он подплывает и меня забирает. А тут бы я сказала, что потеряла его кольцо. Нет, конечно, это не проблема. Деньги и все такое. Но подарок! Помолвка. Это ж так... – и закрутила головой, не подобрав слов. – Я вам так благодарна! Я вас просто прошу! Будьте нашими гостями!

Мамба всколыхнулась, Ёнка вскинулась удивленно:

– Как это?

– Я скажу мужу. Будущему мужу, – поправила она. – Он не откажет мне. Поплывем на корабле. Там есть все. Месяц – другой. Будете на моей свадьбе. Я все улажу. Все проблемы. С работой, с чем там еще...

– Ох, ничего себе! – Ёнка аж встала, журнал с волшебницами упал у нее с колен. Перелистались, выворачиваясь, страницы.

Мамба постукивала себя пальцами по губам.

– Мама, а?! Давай, а?! – Ёнка схватила ее за руку и так дернула в экстазе, что крепко задумавшаяся Мамба потеряла равновесие и чуть не последовала за журналом.

Незнакомка, то есть почти знакомка, ждала ответа:

– Нужно решать быстро. Времени нет. Скоро он будет здесь.

Ёнка глянула в стеклянную стену, и ей показалось, что кораблик на горизонте приближается, растет с каждой секундой:

– Вот это он?

– Да, – знакомка поцеловала свою белую ладонь и отправила кораблику воздушный поцелуй. – Идет. Скоро. Скоро будет здесь.

Мамба повернулась к Ёнке. Взяла ее за горячие ладошки. Соединила свой густой черный взгляд с голубым дочкиным:

– Это не наша история, Ёнка. Понимаешь?

И Ёнка поняла:

– Да.

Они серьезно-серьезно посмотрели друг другу в глаза и безудержно залились смехом. Звонко-звонко на все кафе, вспугнув птичек под потолком, смеялась Ёнка. Низким грудным смехом, слегка поводя плечами и откидываясь, Мамба. Это звучало очень красиво. Правда. Я была там и слышала сама. И видела, как встала из-за стола белая женщина, как улыбнулась как-то немного грустно, и отходила к двери, все не сводя с них глаз. И, уже взявшись за ручку, бросила на них последний взгляд. Во всей ее фигуре было напряжение, как будто она ждала: вот сейчас они обернутся и позовут ее к себе. Но они не обернулись. Дверь открылась и закрылась.

***

А потом они купались, и купались, и еще купались. И смеялись, и смеялись, и еще смеялись. И перед Ёнкой вдруг встала волна и легонько толкнула ее в грудь, и Ёнка очутилась на берегу. И опять смеялись. Потом Ёнка совершала вылазки к машине, принося оттуда батоны и помидоры. И заботливая Мамба загоняла ее в тень. Потом бродили по колено в воде (но в тени скалы), за территорией пляжа. И собирали со дна все, что можно собрать, и всему восторжались. И устали восторгаться. И валялись там же в тени, и копались лениво в перламутровом песке. Мамба лежала, загребала песок к себе и удивлялась, что песок весь состоит из частиц ракушек, то побольше, то поменьше, то измолотых в пыль, но светящихся каждой частичкой. И море покрывала такая же взвесь перламутровой пудры и тоже светилась. А Ёнка строила запруды и дворцы, орудуя ракушкой побольше. И устали валяться. И играли в волейбол двое на двое с другими отдыхающими. А поскольку уже отдохнули, полезли купаться заново.

А вечером, когда окончательно перебрались за забор к «Жигулю» и пошли, огибая становища дикарей, к недалекой сопке наломать веток для костра, кто-то окликнул:

– Доча?!

Мамба обернулась. Ёнка, держащаяся за ее руку, обернулась тоже.

– Баушка?!

Возле ближайшей палатки, розовея непривычным морским загаром поверх вьвшегося дачного, сидела старушка, которую подбрасывали давеча до остановки. Вокруг нее кипели внуки, пронзительно пищали и кидались мячиками. Чуть в стороне дымили мангалом взрослые.

– Ведь чуть не опоздала на поезд, – как продолжая прерванный разговор, сказала она. – Первый раз на море. Боря вывез, – уважительно кивнула в сторону мангала. Хотела поправить кончики платка у подбородка, но платка не было, а топорщилась на голове совсем новая, хрустящая панамы. – Спасибо вам.

– Пожалуйста, бабушка, – и Мамба с Ёнкой зашагали дальше. Мамба была в своих шлепках, а Ёнка, хоть и морщась, но терпеливо, босиком:

– Мне надо окончательно почувствовать, что я на море.

– Ага, парочку заноз на долгую память, – беспечно согласилась Мамба.

***

У костра на прутиках жарили хлеб. Было темно. Как не было ни в городе, ни на даче, ни в том поле, где Мамба потеряла Ёнку. Это была совсем другая темнота. Она пахла морем и шептала морем. И была самой спокойной темнотой на свете. Так не было спокойно даже дома в постели. И Ёнка думала, привалившись к Мамбиному боку:

– Вот я ложусь дома спать. Я надеваю на себя пижаму. Желтую со слониками. Потом я закутываюсь в свое одеяло, Теплое, с маленькой дырочкой на боку, которую все не соберётся Мамба зашить. Потом надеваю всю нашу комнату. Наворачиваю на себя наш дом с антеннами и кошками на крыше. Темные улицы одну за одной накручиваю клубком. С машинами, с дорожной разметкой, с зебрами. И весь город с фонарями, и домами, и огоньками, так уютно. А потом небо черное, со звездочками и луной. Закукливаюсь. И сплю-уу...

А Мамба жевала хлеб, обнимала одной рукой приткнувшуюся спящую Ёнку, смотрела в огонь, слушала море, и, кажется, совсем ни о чем не думала. Времени не было, не было пространства. Был только костер и они двое. И бесконечный тихий, на пределе слышимости звук: прибой. Волна за волной. Волна за волной. Волна за волной.

***

И как гром среди ясного неба: неуместный пронзительный звук – мотор. Пилящий, режущий ухо. Приближался. Ёнка проснулась, блеснула искрами очочков на Мамбу. Мамба повернула чуткое ухо, мотнув подвешенным серебряным кольцом:

– Моторка. Лодка. Кто-то гоняет в темноте.

Звук шел прямо на них. И когда казалось, что моторка сейчас прямо запилит в огонь, звук оборвался, появился красный в свете костра нос. Плеск. Шелест разрезаемого влажного песка. Тишина. Потом знакомый откуда-то голос с надрывом патетически произнес, срываясь на дискант:

– Кирилыч, чтоб я с тобой еще! Куда-нибудь! Когда-нибудь! Да пошел ты! Да я лучше до дома пешком пойду!

– Вот и иди, – слышалось в ответ. – И рыбу свою забери.

Плюх, плюх. На границу прибоя с носа полетели котелок, перепутанные удочки, еще раз смачно плюхнуло: две большие связанные рыбины. Следом в круге света показались стоптанные шлепанцы, заболтали, не доставая до песка. Еще свесились. Стало видно белую, до колен футболку с перекосившимся лицом томной девицы. Потом плюхнуло последний раз. И, не удержавшись на ногах, шлепнулся и стал виден весь Силич.

– Счастливого пути, – проорал с катера невидимый Кирилыч. Красный нос попятился и исчез. Пилящий звук стал быстро удаляться.

– Соседи! – сказал обалдевший Силич, сидя в воде.

Костер стрельнул, язык пламени резко вырвался вверх и осветил круглые глаза отдохнувшего «Жигуля».

– Мой, – сказал Силич как-то уж совсем неэмоционально и развел руки. – Не понял.

Мамба хоть и думала, что объясняться придется, но именно в этот момент оказалась не готова совершенно, то есть никак.

– Э-э... – сказала она.

- О-о! – сказал Силич.
- А-а... – сказала Мамба.
- Эхе, – сказал Силич.

Некоторое время они так и объяснялись междометиями. Силич выкарабкался из воды. Обошел свой «Жигуль», потрогал его. Отсвечивая мокрым пятном пониже спины, наклонился, заглянул зачем-то в салон, прислонив лицо к самому стеклу. И обернулся к Мамбе.

- Не понял, – только и сказал снова он.

Мамба открыла рот и поняла, что сказать не может ничего.

Вскочила Ёнка и, закрыв собой Мамбу, заметно волнуясь, выдала одним духом:

– В-вы ж сами разрешили, дядя Силич. Н-нам покататься. В-вы сказали. Мы покатались. Мы записку вам написали. В гараже, вот. И мы б сейчас искупались еще ночью, мы договорились, и обратно б поехали.

Пока она говорила, Силич рванул на себя дверцу и залез на водительское место. И вцепился в руль, и даже немножко покрутил его как трехлетний пацаненок, и даже чуть побибикал. Лицо его разгладилось. Он улыбнулся.

- Здорово! Ну вы даете! Молодцы! – гаркнул он из машины.

И вылез, и потрепал Ёнку по плечу:

– Ну молодцы, соседи! Ну удружили! Ха, а Кирилычу – во! – он начал поднимать было руку, но, поглядев на Ёнку, опустил. Опустил в карман и вытащил оттуда леденец.

- Держи, детка.

Потом Мамба отдала ему талоны на бензин, и настроение Силича еще круче поползло вверх:

– А мы щас с вами уху сварганим. Такую, что вы не ели никогда. Пальчики оближете и ложки съедите. А потом я вас, эх – прокачу. С ветерком, а!..

Потом Ёнка сказала, что у них нет ложек, и Силич продемонстрировал им все чудеса своего «Жигуля», извлекая из багажника все новые и новые полезные вещи.

– У хорошего хозяина всегда все на месте, – говорил он, облачившись в сухие джинсы и накачивая насосом плавательный круг. Потом Мамба с Ёнкой еще купались в воде, такой теплой, что она практически не ощущалась кожей. Мамба крепко держала Ёнку поперек, невестомую и верткую, как малек. Мамба поворачивалась на месте, а Ёнка молотила руками со всей силы. Так она плавала. Потом ели уху, и Силич нахваливал их хлеб, а они не могли даже похвалить Силича, потому что рты были заполнены почти кипящей густой ухой. Вкусной просто неправдоподобно.

- М-м-м, – только и мотали они головами. Силич улыбался: – Вку-усно!

Потом Мамба помогала Силичу сворачивать стоянку, а Ёнка тихо, одна, в темноте прощались с морем. И что они сказали друг другу, никто не знал. Потом Ёнка натолкала в багажник все камни, ракушки, какие она притащила к машине за день. Мамба, виновато поглядывая на Силича, попыталась ее остановить, но Силич махнул рукой:

- Бери, дивчинка, бери. На память.

Потом они сели на заднее сиденье и смотрели, как Силич, уверенным жестом отогнув козырек над стеклом, извлек оттуда документы и привычно переложил их в нагрудный карман.

Потом они ехали, ехали и ехали. «Жигуль» сворачивал, поворачивал, скатывался, заезжал на горки уже известной ему дорогой. Мамба могла бы поклясться, что обратную дорогу сама она не нашла бы ни за что. Рассветало. Стал почти не виден свет фар. Растворился в сереньком воздухе. Силич поставил негромко свою кассету и подпевал вполголоса, потряхивая в такт стриженным затылком.

Ёнка с Мамбой держались за руки. И качали сцепленные ладони тихонько под музыку. Вдруг Мамба остановила на пол-движении руку и закаменела.

- Ма-ама, а мы еще поедем на море? – протяжно спросила разнеженная Ёнка.

– Да, – кивнула Мамба. – Я ключи от дома на берегу забыла.
Ёнка приподнялась с сиденья. И они обе одинаково жалостливо посмотрели в седоватый приплясывающий затылок впереди.
– Что, девчонки? – улыбаясь обернулся к ним Силич.

Низовский, или Попытка биографии

У биографов принято описывать первую встречу со знаменитостью. Но первую встречу с Арсением Низовским мне вспоминать не хочется. Может быть, когда-нибудь я отважусь поведать о том, что произошло, но не сейчас.

Поэтому, вопреки обычаю, начнем сразу со второй.

– Прости, прости, паря (характерное слово Низовского, вошедшее во все воспоминания. – Прим. автора)! – загудел басом Низовский с высоты своего роста. Невозможно было обижаться на него. – Ну сам виноват, брат-варнак. Ничё-о, до смерти заживет. Пойдем-ка мы с тобой в «Кадушку», замоем это дело.

Конечно, я не мог ему отказать.

И мы пошли. Вопреки моим ожиданиям «Кадушка» оказалась не богемным кафе, а баней, обычной мужской баней. Низовский завернулся в простыню, блестел бритой под шар головой, посверкивал хитрым глазом и наслаждался.

В бане было полупусто, и в этот ранний час никто не узнавал в огромном, с белыми, торчащими из-под простыни ногами человеке того самого, знаменитого Низовского. Без преувеличения мировую знаменитость. Банщик даже осмелился рыкнуть на него за неубранное на место полотенце.

– Да вы что! – взвился я, не выдержав проявленного неуважения. – Да это ж сам...

– Ша! – закрыл мне рот широкой грубоватой ладонью Низовский. – Конешн-а, уберу, отец, а чё-ом разговор.

Сказал, нарочно растягивая слова, как в фильме, который знают все. И аккуратно сложил полотенце пополам, еще пополам, еще... и, подмигнув мне, ловко продолжал складывать и складывать полотенце. Банщик выглядывал, вытягивая шею из-за его спины, и что-то будто узнавал. В глазах его заплескалась какая-то мысль.

– А! – заорал он так, что вздрогнули немногочисленные тонкие и толстые мужские фигуры. – Я узнал тебя! Ты ж Пашка! Пашка Буров! Точно?

– Точна-а, – наслаждаясь ситуацией, протянул Низовский.

– Пашка из Восставших! Как же ты выжил? – обрадованно вопил банщик, путая быть и явь. – Он же тебе два раза в сердце.

– Больно, – поморщился Низовский, прикладывая руку к груди.

И так он морщился и двигался, что стало видно по нему, что и впрямь он ранен был, и ранен серьезно, и было ему больно, и лечился он, и валялся по госпиталям, и вот восстал, выжил. Он весь неуловимо, прямо на моих глазах перетек, поменялся и стал Пашкой, Восставшим. Измученным, но не сломленным и не побежденным.

– Тебе ж нельзя париться, наверное, – прошептал банщик, из полного сочувствия тоже приложивший руку к впалой груди и так же, как и Пашка, поморщивший губы.

– Нельзя, отец, – и опустил левое плечо, еще крепче прижимая руку к сердцу.

– Садись, Паша. Паха, ты что ж не бережешь себя, – банщик подхватил его под правое, неимоверно тяжелое плечо, подставив свое шуплое, как у кузнечика, плечико.

Тут и я, поддавшись непонятно чему, заподхватывал его за необъятную спину, присаживая на плохо струганную лавку. Из всех проходов между белыми шкафчиками пробирались к Низовскому, скользя по мокрому полу, мужики. Замахали Низовскому в побелевшее лицо полами своих сырых простыней, обнажая мосластые коленки.

– Братки, спасибо, легче мне.

Синеокий мужичок с пегим хохолком на макушке, напрягаясь и приподнимая Низовского за голову, поил его из багрового китайского термоса.

– Чаё-ёк, – тянул Низовский, чуть улыбаясь. – Хар-рашо.

– Паша, ну как ты? – заглядывали в лицо, хлопали по плечам.

Низовский, кряхтя, сел, опустил руку, все как замороженные уставились на его могучую грудь. Уставился и я, одной половиной мозга осознавая, что на голой груди Низовского не может быть никаких отметин, а второй понимая, что увижу сейчас страшный корявый шрам, оставленный торопливым полевым хирургом в госпитальной палатке.

На груди висел прилипший банный березовый лист.

На улице Низовский еще немного похромал. Потом вдруг остановился, отпустил мое занемевшее плечо, выпрямился и захохотал, испугивая стайки девушек.

– А, черт! Чего это я зашелся? Ахаха! Это банщик всё, хороняка, попутал, аха!.. Ты историю-то эту запиши, харрошая, брат, история.

***

Как настоящий биограф я должен был узнать многое из его жизни, копнуть вглубь. Скрепя сердце, чувствуя неприятную слабость в поджилках, я пошел за разрешением к Низовскому.

Он отдыхал от съемок в вагончике, цвыркал кипятуший, как он называл, чай из любимой кружки в застенчивый белый горошек. Щурился от пара и ложки, над которой каждый раз смеялся, но все же не вынимал из кружки. «Как можно узнать русского разведчика? А он всегда прищуривается за чаем, чтоб ложка в глаз не попадала».

– Говоришь, о моей жизни все узнать? – голосом Ивана Грозного спросил Низовский. – Хочешь друзей моих кровных наизнанку вывернуть, всю подноготную вызнать?

Я поежился.

– Хочешь женщин моих любимых выпрашивать, в доверие им втираюсь? Всё чтоб, всё рассказали, как любил Низовский, как бросал, какие слова темной ночью нашептывал?

Я склонил голову, царапая скатерть.

– Мать-старушку подкупить похвалой сыну и выведать-вызнать, как на горшке сидел, как титьку ел?

Я осознал всю степень своей мерзости и вскинул голову с заблестевшими глазами, чтоб увидел Низовский, что не такой уж я еще дрянь-человек, и наткнулся на пляшущие озорные огоньки в голубых его глазах.

– Валяй, борзописец! – и махнул лапищей. – Благословляю.

Вторую лапищу в этот момент нежно обрабатывала заботливая маникюрша.

И так царственно помавал он рукой, что я чуть не припал к ней губами, которые сами собой складывались в «благодарствуйте, батюшка».

Бр-р, от Низовского, как от наваждения, надо периодически встряхивать головой. Чтоб не забывать об этом, я поставил себе чернилами крестик во впадине между большим и указательным пальцем. И впоследствии так часто обновлял его, что чернила въелись татуировкой.

Начал я с первой учительницы.

***

Маленький провинциальный городок Берягин в далекой заснеженной Сибири. Город, давший нам Арсения Низовского (подробно см. книгу «Детство и юность Сени Низовского». – Прим. ред.). Звенящая детскими голосами школа, неожиданно большая для такого городка.

Я иду к первой учительнице Низовского, снег похрустывает под ногами. Так же он похрустывал, вероятно, когда задорный мальчуган Сеня, зажав в кулаке веревку от санок, в шапке набекрень бежал с друзьями на горку.

Софья Вениаминовна, седая и строгая, с высоко поднятой прической, словно сошла с экранов старых фильмов про первых учителей. Она уже не преподает, и в ее уютной квартире на окраине города, как я и ожидал, на стенах всюду фотографии ее классов. Робкие первоклассники, притаившиеся за букетами, смелые рыцари с распахнутым в первый же день воротом белоснежной рубашки и рядом чуть утомленные школьной жизнью выпускники – третьеклашки. Похожие, как все школьные фотографии, до того, что невольно начинаешь искать среди школяров свое лицо и только потом спохватываешься. Есть и черно-белые фото с бритыми наголо черепушками и чубчиками мужской школы, и современные цветные, с синей формой и разномастными головами.

Где-то здесь притаился и школьник Сеня. Может, вот этот задорный класс, все как один в военных пилотках, был его. И с ними, товарищами детских игр, он рос, и рос с ним его талант.

А может, вот эти косички дергал юный Низовский, будущий любимец всех женщин страны. Нет, не узнать его, глаза разбегаются.

– Софья Вениаминовна, – спросил я вошедшую с кухни учительницу, в одной руке чайник, в другой невиданной красоты пирог. – Покажите, пожалуйста, где здесь Арсений.

На миг мне показалось, что учительница вздрогнула, будто чего-то испугалась, но тут же показалось, что показалось.

– Дмитрий, милый мой мальчик, помогите мне, пожалуйста, пирог невероятно тяжелый.

– Да-да, конечно, пожалуйста, давайте-давайте.

Я отнес пирог на стол, где уже стояли в вазочках конфеты и искрилось варенье.

– Давайте будем пить чай и разговаривать. Неспешная беседа, что еще нужно нам, одиноким пожилым женщинам.

Мы налили по кружечке ароматного чая и приступили к беседе.

Горбатые певучие половицы, красные как пасхальное яйцо, белая крахмальная скатерть, низкий абажур. Тикают ходики, потрескивают батареи отопления. Мы сидим три часа над сказочной красоты пирогом, и седая и строгая Софья Вениаминовна рассказывает мне иронично про свой первый «Первый А», патетически про свой последний «Четвертый Б», с затаенной любовью про задорный «Третий Г». Про Арсения Низовского еще не сказано ни слова.

– Софья Вениаминовна, расскажите все же, пожалуйста, об Арсении, – попросил я, нажав кнопку миниатюрного диктофона.

Седая учительница испуганным лошадиным глазом покосилась на сверкающую штучку, устремила взгляд за окно и отчеканила:

– Арсений Иннокентьевич Низовский родился в 1955 году, в простой рабочей семье. Отец был сталеваром на знаменитом Берягинском металлургическом комбинате, мать – краповщица мебельной фабрики... Арсений Иннокентьевич...

– Ну Софья Вениаминовна... – обиженно затрубил я и выключил диктофон. – Ну зачем же вы мне это рассказываете? Это и я могу вам рассказать, слово в слово. Это напечатано на тридцать пятой странице «Энциклопедии современного искусства», третий абзац сверху.

– Да-а? – не слишком умело удивилась учительница. – Именно третий?

– Давайте попробуем еще раз, не так формально и... – я махнул рукой и щелкнул хромированной клавишей.

Снова лошадиный глаз, прямая спина, чеканная речь:

– Арсений Низовский в 17 лет покинул Берягин с рюкзаком, полным сибирских деликатесов, и...

– И через четыре дня стоял на Казанском вокзале нашей столицы уже без рюкзака, – закончил я. – «Актеры российского кино», двадцать восьмая страница, внизу.

– Надо же, – смущенно закивала, заприставляла руку ко рту учительница. – Вьелось, видно, в память так.

– Ну конечно, вьелось, – пришел я на помощь, дружески и сочувственно подстраиваясь и кивая. – Пирог у вас, Софья Вениаминовна, знатнейший.

– А, пирог, пирог – да, – сразу рука перестала прикрывать рот, пошла хлебосольным жестом в сторону, поплыли морщинки у глаз. – Угощайтесь, Димочка. Мальчики любят сладкое.

– И Сеееня, – улыбаюсь, протягиваю слова и руку с пирогом, привязывая одно к другому. – Тоже любил сладкое? Да?

Ну же, ну!

– Да?

Морщинки закаменели, хлебосольная рука деревянно стукнула по краю стола.

Щелью рта:

– Арсений Низовский учился в средней школе №15 города Берягина с...

– С 1962 по 1971! – заорал я. – Да что ж это такое, любезная Софья Вениаминовна? Знаю я это, знаю, и знают все читатели и почитатели, и весь прогрессивный мир. Ну давайте же начнем уже! Арсений Низовский явился в первый класс... ну... совсем... ну?!

– Крошкой? – полуспросила у меня Софья Вениаминовна.

– Да-да, Софья Вениаминовна, отлично, Софья Вениаминовна. Ну давайте продолжим.

С трогательной тоненькой... ну?..

– Шейкой, – выдохнула Софья Вениаминовна.

– Ну хорошо, хорошо, Софья Вениаминовна, и непокорным светлым... ну? Что?..

– Чубом?

– Ну, ага, ага. В загорелой, поцарапанной? Ну?..

– Руке, – обрадовалась узнаванию Софья Вениаминовна.

– Во! Точно! Сеня держал букет растрепанных? Ну?..

– Георгинов! – выкрикнула Софья Вениаминовна первой ученицей и зарделась.

– Молодец! – похвалил я. – Дальше!

Через два часа утомленные, потные, навалившись грудью на стол, мы вяло жевали, не замечая вкус пирога, и слушали запись.

– Не пойдет, ни к черту не пойдет, Софья Вениаминовна, простите. Это напоминает, знаете что?

– Журнал «Веселые картинки», – привычно угадала она.

– Да. Где в печатный текст картинки вставлены для неграмотных.

– А вы знаете, Дима, – устало сказала Софья Вениаминовна, даже не косясь на диктофон. – Не помню я этого вашего Низовского. Вот совсем не помню, ни вот такой вот фитюлечки, – показала она сложенный в перстах недоеденный кусочек, посмотрела на него внимательно и съела. – Хоть ешьте меня, хоть режьте.

Я обомлел, хотел потянуться выключить диктофон и не смог, меня словно парализовало.

– Да, Дмитрий, не падайте в обморок. Я тоже сначала переживала, как вся эта волна покатилась: Низовский то, Низовский се, Низовский наше все. Думала, склероз пришел, поминай как звали. Вот так думаю, однажды утром в зеркало посмотрюсь и спрошу, кто эта милая старушка. А потом думаю, э, нет, шалишь, брат-варнак, Федю Ложечкина отлично помню, рассказать? Вот такой парень! Марину Лисичкину. Кавалерист-девица наша, весь второй «Г» от нее рыдал. Шестьдесят девятый почти весь выпуск помню. И вообще к старости наоборот все прежнее четче видится. Могу некоторые уроки по минутам пересказать. – Она зажмурилась, улыбнулась, помолодела и, вероятно, видела сейчас эти памятные уроки. – Максимку Райснера помню отлично. Любочку Великан. Поповых троих помню, не братья. Семеновых, те братья. Ивановых всех. Гримбергов парочку. Соловейко Ниночку...

Она открыла глаза, посмотрела на меня, улыбка затухла, явственно затухла как свечка. Но сказала решительно, не мямля как прежде. – Низовского совсем не помню. И на снимках не найду. Простите, Дима, – добавила она, смягчая резкость голоса.

– Пожалуйста, – сказал я совсем уж автоматически. И чужой рукой бахнув по клавишам, выключил диктофон.

Потом Софья Вениаминовна закутывала меня в коридоре в шарф, утешительно приговаривая что-то, а я испуганно смотрел на диктофон, ни разу меня не подводивший до этого и вдруг превратившийся в ядовитого и хищного зверька, и никак не мог заставить себя спрятать его за пазуху.

– Вы, Димочка, не расстраивайтесь, – щебетала сбросившая с себя груз учительница и все поправляла на мне шарф.

«Стереть или не стереть», – думал в этот момент я.

– Вы сходите к Полине Сергеевне.

«Стереть», – подумал я.

– Она вела десятый в семьдесят первом. Десятый тогда один был.

«Не сотру», – и зачесалось правое ухо.

– Она точно вам про Арсения расскажет, вспомнит, обязательно вспомнит.

– Адрес? – спросил я, окончательно решив стереть, и спрятал диктофон во внутренний карман.

– Вот, Димочка, и хорошо, и правильно, – и подоткнула клетчатый шарф под отвороты дубленки. Ребячья мозаика ехидно смотрела на меня со стен. – Если хотите, приходите в любое время, расскажу вам про Федю Ложечкина. Правда, хороший парень!

***

Вечером, я сидел за столом, приставленным к окну, в двухместном гостиничном номере. Сидел один, свет не зажигал. За окном было светлей, чем в комнате. Окно выходило на городскую площадь, где катались с огромных, не виданных мною снежных горок ребяташки. Если собрать по Москве весь снег, не наберется на одну такую горку.

Сидел я так давно. Передо мной лежал чистый лист бумаги, ручка. Строго параллельно листу стоял сверкающий диктофон, словно затаивший в расположении своих клавиш и миниатюрных динамиков язвительную усмешку. Я в очередной раз взял ручку, второй рукой потянулся к диктофону. Застыл, покривился, уронил руку. Положил ручку. Выровнял всю композицию на столе, поправил лист, на пару миллиметров сдвинул диктофон. Подперся и уставился в окно. Решился. Быстро-быстро, чтобы не передумать, щелкнул кнопкой, аккуратно и четко сажая слова на лист, начал: Арсений Низовский явился в первый класс совсем крошкой. С трогательной тонкой шейкой и непокорным светлым чубом. В загорелой поцарапанной руке Сеня держал букет растрепанных георгинов...

Упорно расшифровывал запись, останавливал, откручивал назад, убористо наносил мелкий узор на лист. Затем бросил голову на стол и несколько раз с тихим рычанием постукался лбом о строчки. Пожевал губами край листа. Зарычал громко, схватил, смял, швырнул ком в стену. Написал размашисто через чистый лист: Первая учительница Низовского Арсения не помнит. Прибавил большими буквами СОВСЕМ! И пошел, напевая, чистить зубы, и легкий-легкий бухнулся спать. В окно смотрела нетемная сибирская ночь.

Утром в двойную папку с защелками с одной стороны я уложил расправленный жеванный лист, а с другой – листок с одинокой размашистой записью.

Ко второй учительнице я пошел подготовленным.

***

Полина Сергеевна, бывший классный руководитель десятого «А», энергичная женщина средних лет в мягких вышитых тапочках и строгом, надетом по случаю меня, костюме.

– Дмитрий?.. Алексеевич. Вы звонили, да? Очень приятно, проходите.

За спиной ее раздавался писк, возня, топот и хохот, весело лаяла собака.

– Тих-аа! – обернулась она назад и, уже приветливо оборотившись ко мне, повторила, пятясь. – Проходите.

Тесная прихожая была завешана в два ряда шубками, шапками, пальтишками. Пальто топорщились один поверх другого и норовили ткнуть в глаз жесткими лапами. Пока я раздевался, пристраивал поверх всего свою шапку, подбирал шапку с полу и опять пристраивал, Полина Сергеевна проводила в комнате за висевшими на двери свитерами воспитательную беседу:

– Дядя приехал из Москвы. Ему нужно поговорить с мамой. Не мешайте нам полчаса. Ваня – ты старший, займи малышей.

Я причесывался перед зеркалом, раздвинув шубы. Свитера на двери колыхнулись, я с располагающей улыбкой повернулся к дверям. Вышел зеленоглазый серый сибирский котиче. Дверь открылась чуть шире. Я дружелюбно улыбнулся и приветливо кивнул. За котом протиснулась рыжая собака, хвост колечком. Дверь окончательно распахнулась, насколько позволяла груда одежды наверху, и в проем одновременно попытались выйти три одинаковых мальчугана в одинаковых джемперах и штанах с резинками понизу.

– Пусти! Я! Я – первый! Я!

Мальчишек сгребли внутрь комнаты сильные женские руки. И Полина Сергеевна выскочила в коридор, прихлопнув за собой дверь. Свитера замахали рукавами.

– Ваня, смотри за ними! – крикнула она мне в лицо и виновато улыбнулась, пожав плечами.

– Это всё ваши? – уважительно спросил я, выстраивая в уме тактику разговора.

– Мои. Это не все еще. Две дочи спят в дальней комнате.

– Спят? – я с трудом представлял, как можно спать в таком бедламе. За дверью слышалось бляенье, буйное ржание, крики «Пусти меня к маме» и щедрые шлепки, которые раздавал, видимо, оставшийся за главного Ваня. – Вы, наверное, очень любите детей. В наше время решиться на такое – подвиг.

Полина Сергеевна немного смутилась:

– Дочу просто очень хотели с мужем. Первый Ваня родился, потом трое вот этих охломонов разом, потом все же надумали дочу. И то аж две получилось. Ваня смеется теперь, говорит, что у него, наверное, тоже брат-близнец есть, все спрашивает, не забыла ли я его в роддоме.

Мы засмеялись.

– Пойдемте на кухню.

– Пойдемте. Извечное интеллигентское место, – пошутил я...

– Низовский? Конечно, помню. Этот десятый «А» был первый у меня.

Я настороженно подобрался, нервно оглаживая папку. Памятуя реакцию Софьи Вениаминовны, потихоньку включил диктофон.

– Сеня, высокий такой. Он так смешно брал определенный интеграл! Ахаха, вы не поверите, сначала подставлял пределы, а потом, – она фыркнула, наклонилась ко мне и даже взяла за рукав. – Потом интегрировал. И вы знаете, даже иногда сходилась с ответом. Забавно!

Я кривенько улыбнулся, не зная как реагировать.

– К сожалению, Полина Сергеевна, мне эта история не о многом рассказала. Со школьного курса про интегралы помню только крючок, которым он изображается. Да, еще анекдот:

вам интегралы в жизни пригодились? А как же, профессор, у меня шляпа один раз в лужу упала, я проволочку интегралом скрутил да шляпу-то и вытащил. Хм-м.

– Да вы что! Конечно, вам не понятно. А я вам объясню сейчас.

На плите кипела каша, гневно подпрыгивая крышкой, в кухню ломались тройняшки, гавкала собака. Полина Сергеевна не замечала ничего. С упоением миссионера она писала на обратной стороне листа из моей папки интегралы, цифры и буквы, и как-то так понятно объясняла про интегрирование по dx (дэ икс) и dy (дэ игрек), что уже через час я заливался над совсем другим анекдотом.

– В психушке один больной математик подбегает к остальным больным и кричит: «Я тебя дифференцирую! Я тебя интегрирую!!!» Все от него шарахаются и разбегаются, а один сидит себе спокойненько. Математик ему: «Я тебя дифференцирую! Я тебя интегрирую!!!» Тот отвечает: «А я e в степени игрек!» «А я по игрек продифференцирую!»

– Вот, понимаете теперь про Сенины интегралы? – заглядывала она мне в лицо разгоревшимися глазами.

– Понимаю, – обрадованно сказал я. – Забавно. Вы хороший учитель, Полина Сергеевна.

– Спасибо.

– А давайте, Полина Сергеевна, еще что-нибудь вспомним.

– А давайте, – разошлась она. – Как говорится, главная задача математики узнать, а не все ли равно?

– Пойдите, Полина Сергеевна, – пленка в диктофоне подходила к концу и я с опаской на него поглядывал. У меня была запасная кассета в кармане, но я боялся вспугнуть учительницу. – Вот, я знаю, в десятом классе ребята ставили самостоятельно спектакль и там Арсений Низовский играл свою первую роль. Расскажите, пожалуйста.

– Спектакль, ну, конечно, конечно, помню. Как сейчас помню. Витя, не тяни Мишу за хвост! Ваня, забери их! Спектакль назывался «Королева Гипотенуза».

Я насторожился.

– Да, там был сложный сюжет. Понимаете, треугольник, – и шепотом добавила, округлив глаза. – Любовный. Там была Гипотенуза. И два влюбленных катета. Там еще были точки, вершины треугольника. Был Пифагор. Углы, синусы. Сложный сюжет.

– А Низовский? – выдохнул я.

– Низовский был. Он в третьем акте на стол накрывал.

Чувствуя, как пол колышется под ногами, я сдавленно спросил, хватаясь за диктофон, как за сердце:

– Но его роль, она чем-нибудь запомнилась вам?

– Да, он поднос уронил, – хихикнула по-девчоночьи Полина Сергеевна.

Щелкнуло, пленка кончилась, диктофон выкинул кассету.

***

За окном шел снег. Измученный интегралами, смяв на десять раз под собой простыню, я сел к столу. Открыл форточку, вдохнул ртом и пожевал ночной морозный воздух, положил перед собой два листа. Слева чистый, справа мятый, с размашистыми черными буквами СОВСЕМ. Прослушал заново кассету, вздрагивая и передергиваясь на каждом слове «интеграл». Отложил кассету в сторону, написав «10 А».

На чистом листе мелко и аккуратно вывел: «Полина Сергеевна, учительница, выпускавшая класс Арсения Низовского, тепло вспоминает своего знаменитого ученика. Арсений Низовский выделялся из толпы одноклассников. Высокий и стройный, он уверенно стучал мелом у доски, решая сложнейшие интегралы (бр-р) своим, особым способом, отличным

от всех учебников. Это был первый класс молодого педагога, но до сих пор, спустя двадцать лет, она не может забыть неординарного ученика.

Тогда, двадцать лет назад, все было впервые. Первый и сразу выпускной класс у Полины Сергеевны, первая роль у Арсения Низовского. Школьный спектакль «Королева Гипотенуза». И Арсений первый раз на сцене. Жаль, что с тех времен не осталось видеосвидетельств и мы сами не можем оценить игру юного актера, но судя по тому, как запомнилась эта роль учителю, какой смех вызывает у нее до сих пор, можно судить, что Арсению удалось в первый же раз оживить, придать сочность, юмор и блеск даже простой роли в школьном незамысловатом спектакле».

На втором мятом листе, вспарывая бумагу острым стержнем, наказывал: «в третьем акте накрывал на стол, уронил поднос! ФИНИТА!!»

Разложил листы в папку: слева, справа. И спать.

***

На третью бессонную ночь мою коллекцию в правой стороне папки пополнила групповая фотография. Восьмой класс. Черно-белое фото. Широкоплечие длинноволосые парни, взросло прищурившиеся девушки и вперемешку с ними тоненькие девочки с косичками, ушастые круглоголовые мальчуганы с улыбками до ушей на перемазанных чернилами лицах. Четырнадцать, странный возраст. Я был таким, как третий справа, мелким, шустрым, еле до плеча достававшим дядям из класса. Ох и дразнили мы их с другом Витькой – и женихами, и жеребцами, и всяко-разно, и думали, никогда такими не будем, и стреляли из-за угла в них жеваной бумагой, вызывая на бой. И никак не могли поверить, что они выросли. А потом и Витька вдруг вырос, как-то раз и вытянулся за каникулы. И остался я один.

А Низовский? А Низовский вот он. Один из трех, обведенных рукой Линочки Карцевой. «Не помню, вот кто-то из них, класс большой был. На приставных стульях сидели. Объединяли у нас еще два класса в шестом. Вот остальных помню всех. Вот красавчик наш, Женя Ходин. Девчонки за ним толпами бегали. А он серьезный, в военное училище готовился. Стеснительный. Картавил немного. (Лина улыбается и склоняет голову набок.) А вот этого, этого и этого не помню. Кто-то из них Низовский. Точно. Я с ним „Надежда умерла“ пять раз смотрела. И каждый раз плакала. Какой он там, настоящий прямо. (Лина качает головой и задумывается.) Надежда эта, чего ей еще надо было».

За неимением лупы вооружившись очками дежурной по этажу, разглядываю фото. Кто из трех? Ну должен же быть похож. На себя, на знаменитого, на растиражированного, на плакатного. Вот у этого волосы светлые и вот вихор, он! А у этого, во втором овале, глаза треугольничками и нос чуть нависает, ну он же, он! А третий – высокий, стать сибирская, богатырская и брови вразлет, ни с кем не перепутаешь, он! Откладывал очки, отвлекался, крутил головой, делал приседания, в глухой сибирской ночи махал ногами и хлопал под ними в ладоши, и-раз-два. Смотрел опять. Не помогло. К утру на Арсения стали похожи все, даже девочки, даже вот этот третий справа, раньше вылитый я.

Я плюнул, протер и отнес с поклоном очки дежурной по этажу. Еще раз взглянул на три фиолетовых овала, положил фотографию в плотный коричневый конверт. Открыл папку, поколебался и закрепил конверт справа. Зафиксировав у себя неотчетливое чувство ненависти непонятно к кому.

Спать.

***

Я был хорошим интервьюером. И на четвертый день выяснил: девушка, проходившая под грифом первая любовь Арсения Низовского, таковой не является. Все просто – приврала и сама поверила. У женщин это бывает. Не было и первого, щемящего душу поцелуя.

Биография Низовского все более напоминала анкету недавних времен: нет, нет, не был, не привлекался...

От моего скрежета зубового не спали все соседи по этажу. Испуганная дежурная несколько раз стучала в номер и предлагала вызвать скорую...

Четким почерком расшифровывая первую половину интервью, я также четко осознал, что ненавижу Низовского.

Я писал и все вспоминал его портрет на девичьей тумбочке, огромный наглый портрет на прикроватной тумбочке супружеского ложа. Он был третьим лишним в доме, этот заштатный, шуплый мужичок, ее муж. Он не тянул. Великолепный Низовский, прищурился одним знаменитый глаз, сочными губами чуть придавливал бойко торчащую сигаретку. Муж весь вечер смолит одну папиросу от другой, робко отмахиваясь в форточку. Непокорный вихор. Жидкая прядь. Светлая шляпа набекрень. Майка на перекрученных лямках. И эта история любви. Я стонал. Ах, если б она была правдой, а не то, что я выпытал, вымучил, высидел. То, что мне было сказано сквозь прижатый к губам платок, сквозь слезы, сквозь ужас в глазах, когда сказанного не воротишь. И как распрямылся ее муж, с силой ввинтив окурок в пепельницу, как замахнулся на франтовато задранный подбородок. И, мелко подрожав кулаком, опустил бездейственно и выскочил за дверь в сибирские синие сумерки. Он привык быть третьим лишним.

***

На пятый день по плану, собрав обширный фактический материал, я должен был идти к матери Низовского. Встрепанный, взерошенный после бессонных ночей, с красными глазами, я запутался в сложном столичном узле галстука и, в конце концов, сдернул его совсем и швырнул на кровать. Задумчиво побрил пол-лица и, налив одеколон на ладонь, укололся о небритую половину. С недобрим чувством как последний патрон загнал кассету в диктофон. Клацнул затвор диктофона. Я перекрестился и пошел.

Свежий морозный воздух взбодрил меня. И пока я добрался на окраину, поплутал по спускам и подъемам частного сектора, уже развеселился, с удовольствием тянул ноздрями запах мороза, дерева и угля и даже засвистел «Дымок родного дома» из фильма, конечно же, незабвенного своего Низовского. Хороший он парень, Низовский. Так, насвистывая, лихо скатился я на ногах с ледяного длинного спуска, вызвав уважительное «ого!» мелких пацанов, копошившихся внизу, и рассмеялся. Я любил Низовского. Я мысленно складывал страницы правильной половины папки, и у меня получалось все так, как надо. Общая картина. Я видел напечатанной свою книгу, видел блестящую обложку, вкладку с черно-белыми фото. Недостающие детские фотографии попрошу переснять у матери Низовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.